

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 26/2

ФЕВРАЛЬ 1936

№ 26/2

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Бамат — Порошок в мешке.
Доминик Миль — Пакт Балканской Антанты.
Шалва Амиреджиби — Похождения меньше-
вицкого дипломата.
Генерал Муса Паша Кундухов — Воспоминания.
Микола Порш — В единении наша победа.
Бахтанг Карелели — 18 лет без Императора.

Абдулла Али — Большая потеря.
Ашот Арцруни — Февральское возстание в Ар-
мении.
Тамбий Еленхоти — Самоопределение горцев
Кавказа и в частности осетин.
Обзор Печати.
Хроника.

ПОРОШОК В МЕШКЕ Несколько месяцев тому назад в кавказской эмиграции поползли глухие слухи о каких то таинственных переговорах, которые якобы велись между лидерами грузинских меньшевиков и приезжавшими в Париж советскими сановниками.

Сообщались приблизительные даты свиданий. Назывались имена. В частности имена Внукидзе и Шалвы Элиава.

Слухи эти, шедшие из разных источников, нашли в свое время отражение на страницах нашего журнала*). Более пространную и доку-

ментированную информацию по этому вопросу дало «Квда».

В номере 13 (июль 1935 г.) Берлинский орган грузинских националистов сообщил совершенно конкретные сведения об условиях, на которых грузинские меньшевики, якобы, согласились примириться и сотрудничать с Москвой.

Казалось бы официальная «Брдзольс Хма», регулярно отводящая в каждом номере половину своих столбцов весьма страстной и пристрастной полемике с нами, должна была ухватиться за этот исключительный слу-

*) «Кавказ» № 6/18 июль 1935. «Обзор Печати».

чай, чтобы обрушиться на нас с потоком обвинений в клевете, в провокации и пров. смертных грехах... если бы передаваемые нами слухи не имели под собой какой то реальной почвы.

Но этого, к сожалению, не случилось. «Брдзалис Хма» попрежнему продолжала жевать свою унылую жвачку и заниматься обычными личными выпадами против сотрудников нашего журнала. Слухи о начатых переговорах с большевиками, казалось бы достаточно сенсационные, были обойдены стыдливым и, на наш взгляд, весьма знаменательным молчанием.

Необходимо подчеркнуть, что все эти разговоры происходили как раз накануне намечавшейся опалы Енукидзе. Об этой опале, как известно, писалось много противоречивого. Официальная советская версия причиной опалы объявила «бытовое разложение», бывшего бездельного секретаря ЦИК-а СССР. Не в меру жеманному советскому сановнику на старости лет кажется было предъявлено обвинение в черзчур ретивом покровительстве стыдливым девам Государственного балета, или что то в этом роде... Бедный Енукидзе! На его несчастье в Москве тогда еще не был выкинут мазунг о «красивой жизни»...

Однако «Брдзалис Хма» (не в пример разным соглашателям в роде «Юманитэ» сохранившая правоверный марксистский амплаж «Пролетарии всех стран соединяйтесь») дала постигшей Енукидзе каре другое, более серьезное, и надо признаться, более правдоподобное объяснение.

Вот что писал по этому поводу, в № 45, «на основании полученных из Грузии сведений» парижский меньшевицкий листок:

«...Как только опасность войны приняла реальный образ и большевики ополчились искать союзников, возникла идея о создании

Единого Фронта с социалистами. В начале предложение было принято всеми, но впоследствии сказались разность взглядов. Одни полагали, что Единый Фронт нужен только на Западе, другие считали, что Единый Фронт нужен и в самом Советском Союзе. Это последнее течение возглавлял Енукидзе. Он требовал начала переговоров и соглашения с русской и в особенности с грузинской социал-демократией»...

В настоящее время едва ли уже могут быть сомнения в том, что когда в Коминтерне созрел проект создания в Европе Единого Фронта, в недрах Кремля действительно обсуждался вопрос о целесообразности некоторых податок и своей укрывшейся за границей социалистической оппозиции и социалистическим партиям завоеванных Москвой инациональных окраин.

Главным образом, конечно, имелось в виду облегчить 2-му Интернационалу и большевизиствующей европейской радикальной буржуазии оформление союза против «международного фашизма и гитлеризма».

Известные практические шаги в этом направлении были сделаны тогда же, а другие предпринимаются сейчас.

Енукидзе, говорят, проявил в этом вопросе усердие не по разуму. По благодущию и незлобivosti своего характера он не учел некоего личного момента в отношениях Сталина к бывшим его товарищам — грузинским меньшевикам и в обещаниях последним пошел несколько дальше, чем этого хотел всеспильный Сосо. Отсюда постигшая его кара. Но «раздолье» и уничтожив очередного противника Сталин, по своему обыкновению, овладел его инициативой, и стал проводить неудачно начатое Енукидзе дело сам, но, так сказать, на терменах.

Имеются неопровержимые данные, свидетельствующие о том, что освоение Москвой

грузинского меньшевизма и других кавказских социалистических партий продолжается.

Одна из цитируемых нами в «Обзоре Печати» статей Александрийской армянской газеты «Усабер» очень показательна в этом отношении.

Обычно хорошо осведомленный орган партии «Дашнакцутюн» сообщает, что «Москва перестала сеять рознь среди армянского населения... она не старается больше сгруппировать вокруг себя все противодашнакцаканские элементы. Скажем больше: она осторожно старается создать «общий» фронт, на сей раз не против нас, а вместе с нами, направленный против «фашизма и международного империализма»...

С этой информацией не безинтересно составить только что полученные нами из Грузии сведения о специфической пропаганде, которая ведется сейчас в Закавказье, главным образом, конечно в Грузии и Армении, «об угрозе турецкого нашествия на Кавказ, как «локального акта нападения международного фашизма на Россию»...

Этой пропагандой, пишет наш тифлисский корреспондент, особенно усердно занимаются больше меньшевики. Не только с попустительством, но и с явного благословения советских верхов, они стремятся создать в населении алармистские настроения. Единственным прибежищем и спасением от грозящего нашествия — проповедуют они — является неразрывная связь с Россией и безоговорочная поддержка советской власти, «решившей твердо стать на путь советской демократии».

Очень характерно, что «здешнюю демократию», как выражается наш корреспондент, объявляют воздействием на Москву 2-го Интернационала, который будто бы «гарантирует наши права».

С этой, инспирируемой Москвою, работой

«больших» меньшевиков в Грузии логически связывается та осторожная подготовка планомерного отступления на русские демократические позиции, которая на наших глазах упорно и последовательно совершается сейчас в грузинской эмиграции, здешними полусусудими меньшевиками.

Правда дряхлеющий папа грузинского меньшевизма Йордания и другие меньшевизские лидеры пока ограничиваются панегириками песокрушимой мощи красной армии на заседаниях так называемого «Грузинского Национального Центра». Публично выступать они еще не смеют. Они отлично понимают, что ни морального авторитета, ни политического престижа в национальной на 99 проц. грузинской эмиграции они не имеют.

В роли послушных гасителей грузинского национального духа, слепых проводников русского влияния на Кавказ, призванных подготовить и оправдать неизбежный возврат обанкротившихся вождей меньшевизской Грузии в лоно родной им российской марксистской стихии, Йордания выпускает нескольких грузинских «националистов» по задомыслию, или по практическим соображениям, все еще подвизающихся на желтых ролях «законопослушной» оппозиции в меньшевизском национальном центре.

Их устами ведет безпринципный лубявый старик свою деморализующую пропаганду о «фанатизме Востока», о желтой опасности, и о страшных азиатских полчищах, грозящих затопить Кавказ...

Из их рядов выступают люди с демагогическими докладами о фантастических агрессивных видах на Кавказ Турции и поддержанного... Англией Ирана.

Играя на больших исторических реминисценциях среднего грузина с улицы — и сами в прочном плену нашествия им навяз-

лавых идей — они уже не способны считаться ни с исторической перспективой, ни с влиянием на политической арене новых могущественных факторов, ни с коренными изменениями в структуре и значении старых

Им ничего не стоит совершить ничтожную хронологическую ошибку, так лет в двести-триста, и поставить знак равенства между современной Турцией, Турцией Кемалья Атаюрка, вернувшейся в Анатолию и возведшей в неизбежную квази-религиозную догму принцип тоталитарной национальной государственности и территориального консерватизма, Турцию, являющуюся наиболее стойким оплотом Балканской Антанты и европейского статус-кво и бывшей Османской империей, великой разноязычной империей султанов-халифов, раскинувшейся на трех континентах и бывшей одной из величайших военных держав мира...

С какой то обезкураживающей верой в магию слов, они запугивают себя и других лозозвучными, но лишенными какого бы то ни было реального смысла литературными формулами, в роде заезженного афоризма: «История повторяется». Они не замечают, что с такими же совершенно успехом можно было бы утверждать диаметрально противоположное — История никогда не повторяется!

Одно во всяком случае несомненно, что она никогда не повторяется с фотографической точностью и реальный политик, не имеет права находиться в плену ни навязчивых идей, ни пустых словесных формул и закрывать глаза на живую действительность и на коварную среду, в которой мыслит он те или иные политические события...

Но тема взаимоотношений Турции и Кавказа особая и большая тема. На страницах нашего журнала мы уже имели случай формулировать нашу точку зрения на этот вопрос. К

этой теме нам очевидно придется вернуться еще не раз.

В настоящее время достаточно указать, что грузинские меньшевики, с разгромом марксизма в Германии и в Австрии и переходом 2-го Интернационала и примыкающих к нему социалистических партий в орбиту Коминтерна, потерявшие политическую базу в Европе — свой логически неизбежный, никакими силами неотвратимый возврат к делу русского марксизма, стараются построить на основании антитурецких и даже антикавказских построений в эмиграции.

Нет ничего удивительного, что исходя из такого задания они, через тех же подставных лиц, стали одновременно сближаться с теми кругами армянской политической эмиграции, которые за все эти годы, увы, «ничего не забыли и ничему не научились» и для которых Турция попрежнему является главным, если не единственным врагом, а Россия, несмотря ни на что, безотносительно к внутреннему ее режиму, по старому мыслится как возможная покровительница и защитница, в борьбе с этим «наследственным врагом».

Пусть эта безумная концепция, стоившая многострадальному армянскому народу неисчислимых жертв и моря крови была безповоротно осуждена историей. Роковая судьба армянского народа такова, что и по сейчас многие ответственные политические вожди (увы, все те же!) не в состоянии отделаться от старого, привычного строя мыслей и встать на новые конструктивные пути.

До нас не могли не дойти слухи о конкретных шагах, которые недавно были предприняты некоторыми армянскими политическими деятелями совместно с грузинскими «националистами», из «Центра» Джордания, не столько в плане более или менее отдаленного внутреннего строительства на Кавказе, сколь-

ко в целях совместного выступления перед некоторыми европейскими державами.

Мы конечно отлично понимаем, что опытные политические деятели, ведущие эту игру со стороны армян, прекрасно знают удельный вес и влияние всех кавказских политических группировок и нисколько не обманываются относительно действительного значения и представительной роли своих сегодняшних контрагентов.

Но политика меньшевистского правительства Грузии в широких кругах армянского общества оставила такие тяжелые воспоминания, что гораздо удобнее проводить фактический союз с меньшевиками под «национальным» соусом.

С другой стороны если с точки зрения конечной общей ориентации на Россию меньшевики и являются наиболее надежной в грузинской эмиграции группировкой, то для некоторых заграничных комбинаций и в некоторых странах, — каких, читатель догадается сам, — они оказываются довольно компрометирующими партнерами...

Какими бы методами однако этот стыдливый альянс «Дашнакцутюна», в целом или в какой то его части, с грузинскими меньшевиками бы осуществлялся, мы не можем не обратить самого серьезного внимания на его весьма опасную для грядущих судеб Кавказа окраску.

Не без чувства искренней тревоги за наше общее будущее прочтали мы приведенную в «Обзоре Печати» статью «Усабера», призывающую к созданию на Кавказе армяно-грузинского (христианского?) блока, острого к которому, судя по общему направлению и тону статьи, явно направлено против мусульманских соседей Грузии и Армении, как внутри Кавказа, так и вне его. Речь идет ни больше ни меньше, как о блоке, способном, по выражению автора передовой «Усабера», диктовать свою волю «окружению» этих двух народов.

То, что мы думаем об этом бреде вообще, и о той реакции, которую он способен вызвать в умах политических деятелей Азербейджана и Северного Кавказа, мы сказали в «Обзоре Печати» в наших комментариях к статье «Усабера». Не станем поэтому повторяться.

Что же касается Грузии, то пример неслучайной Армении, уже пытавшейся в прошлом, и довольно настойчиво, практиковать политику национального эгоизма против всех своих соседей — достаточно красноречив, чтобы ни у одного здравомыслящего грузина не появилось охоты последовать армянскому примеру, ни соло, ни в дуэте с Арменией.

Судьбы народов Кавказа предопределены прежде всего непреложными данными их географии и экономики, а затем и целой гаммой культурно-исторических и бытовых связей.

Кавказ может и должен организоваться как независимая Конфедерация четырех кавказских народов, объединенных на базе абсолютного равенства прав и безусловного уважения к взаимным интересам.

Каждый азербейджанец и армянин, как каждый горец и грузин должны твердо помнить, что только в обеспечении безопасности и культурно-экономического преуспевания Кавказа в целом единственная реальная гарантия счастья и процветания всех входящих в состав его народов и каждого из них в отдельности.

Всякая попытка обособления одной или нескольких кавказских национальностей против других неизбежно приведет к жестокой анархии и, вместе с торжеством внешних сил, к конечному порабощению всего Кавказа.

Истинны эти слишком элементарны и очевидны. Нам незачем на них настаивать.

Кавказская национальная эмиграция отчасти знает до каких предельных границ духовного одичания и цинизма дошли вожди грузинского меньшевизма. Она оценит по до-

стоинству и последний преступный маневр этих жалких политических банкротов, которые для того, чтобы оправдать свой позорный отход от грузинской национальной истории под зень

русского серпа и молота, не останавливаются перед тем, чтобы бросать в среду народов Кавказа столь опасные семена внешней вражды и внутренних раздоров.

Гайдар Баммат.

Пакт балкакской антанты

(ОКОНЧАНИЕ)*

Спустя два месяца после этого акта, направленного к консолидации мира, произошло событие, которому была суждено стать осью всей политики замирения Балкан. В сентябре 1933 года в Анкаре был подписан греко-турецкий договор. Этим договором Турция и Греция взаимно гарантировали неприкосновенность их общих границ, — следовательно границ с Болгарией.

Повидимому, Греция не была склонна идти так далеко. Г. Венизелосу, к голосу которого очень прислушивались в Афинах, претия всегда обязательства военного характера. Еще в мае 1933 года, когда Рифат Номан бей, генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел, зондировал почву на предмет заключения греко-турецкого оборонительного союза, Венизелос отнесся к этому проекту совершенно отрицательно. Говорят, молодой турецкий дипломат, излагая ему свою точку зрения, как на доказательство чистосердечности намерений своего правительства, сослался между прочим на благоприятную в отношении Франции перемену курса политика Анкары. Этого было больше чем нужно, чтобы оживить безудержную ненависть Венизелоса к Франции.

Это чувство естественно породило в нем догматическую веру во всемогущество Италии. Между тем Италия охотно становилась в позу покровительницы Болгарии и плохо скрывала свои мечты о господстве в Малой Азии. Отсюда Венизелос делал вывод, что осторожности ради Греция должна занимать позицию полной незаинтересованности в судьбах этих двух государств.

Неудивительно поэтому, что г. Цалдарис, будучи лично сторонником тесного сближения с Турцией, все же несколько опасался связывать Грецию слишком конкретными обязательствами. Даже находясь уже в Анкаре, куда он прибыл для подписания договора он еще надеялся внести некоторые смягчения в принципиально уже принятый текст.

Мустафа Кемаль во мгновение ока дал понять г. Цалдарису и гг. Максимосу и Пезмазоглу, которые сопровождали его, (первый в качестве министра иностранных дел и второй в качестве министра национальной экономики), что мода на лукавые мудрствования прошла.

Греческие министры покинули Мустафу Кемала после этого свидания глубоко потрясенные. И тем не менее они все еще не смели признаться, что речь идет об оборонительном союзе пока Тевфик Рушди бей в тот же вечер

* См. «Кавказ» пом. 11/23, 12/24 и 1/25.

на балу не поставил точки на *i* и не назвал вещь собственным именем.

Болгария никак не ожидала такого события, и была им сильно взволнована. Дурное свое настроение она высказала несколько дней спустя Исмет Паше и Тевфик Рушди бейю, приехавшим в Софию с ответным визитом г. Муханову, посетившему год тому назад Анкару. Напрасно представители Турции настаивали на оборонительном характере заключенного соглашения. Предложение их заключить аналогичный договор с Болгарией, само собою разумеется, никакого успеха не имело.

Болгария попрежнему оставалась на позиции непримиримого ревизионизма, но чувствовала, что крылья ее подрезаны.

На западе Балкан король Югославии Александр I рассуждал также как Мустафа Кемаль. Для Югославии создавшаяся обстановка была еще более сложной и императивной. Италия угрожала ей западным границам, господствовала в Албании и интриговала в Болгарии, где она поощряла македонские комитеты. С другой стороны идея объединения всех южных славян все еще жила у сербов. Этот союз в той или иной форме, может быть, и мог бы быть реализован, если бы болгарский народ был свободным, но он находился, как и сам король и правительство, под игом македонцев.

Оставалось либо раздавить Болгарию, либо ждать того времени, когда она сама согласится пойти на компромисс. Вторая альтернатива находила много серьезных сторонников. По совету Лондона и в особенности Парижа, король Борне взял на себя инициативу установления дружеских отношений с Александром I и Каролом II. Последний триместр 1933 года был ознаменован серией визитов балканских монархов друг другу. От Болгарии требовали жертвенного отказа от ее притязаний, но никто однако не брал на себя труда сказать ей какие

собственно преимущества приобретет она окончательно отказавшись от территорий, которые сама Сербия признала за ней в союзнном договоре от 29 января 1912 года. И все же несмотря на это идея болгаро-сербского сближения приобретала все большую почву.

Высшие представители церкви, профессора, журналисты, купцы и промышленники обеих сторон посещали друг друга исключительно для того, чтобы засвидетельствовать об одушевлявших их чувствах взаимной дружбы и притяжения. Нужно ли говорить, что все эти многочисленные добровольные послы тщательно воздерживались от всякого намёка на болгарские притязания...

Эти манифестации принявшие такой массовый характер, несмотря на очевидное отсутствие какой бы то ни было реальной их выгоды для болгар, однако, серьезно обзавоевали греков и румын. Возникли сомнения и опасения, что соглашение между болгарскими и сербами даст первым возможность искать компенсации на юге, в направлении Эгейского моря.

В Афинах и в Бухаресте пришли к выводу, что намечавшемуся сближению необходимо помешать во что бы то ни стало, ибо было очевидно, что в случае срыва соглашения Болгария вернется к своей старой непримиримой позиции. Единственным практически способом достигнуть этого было подписать в срочном порядке пакт Балканского Соглашения, без участия в нем Болгария.

Такова по крайней мере версия, наиболее принятая в Югославии.

Г. Титулеско взялся за реализацию этого проекта. Для того, чтобы сгруппировать факты, сообразно намеченной цели, онъ провозгласил, что балканская политика Малой Антанты продиктована прежде всего интересами Югославии. Затем он выступил в роли защитника и проповедника тезиса Мустафы Кемали, что

защита мира на Балканах должна быть делом балканских государств с общими политическими интересами, причем эти государства должны быть готовыми противопоставить ревизионистам вооруженную силу, способную внушить к себе должное уважение и следовательно обезопасить мир.

Александр I изъявил свое согласие. Г. Титулеско предпринял свое турне балканских столиц, всюду заявляя себя в одинаковой мере преданным слугой короля Румынии и короля Югославии и даже Греции.

Таким образом было реализовано соглашение между Королем-Объединителем Югославии и Освободителем Турции и достигнуто единство видов на двух перифериях Ближнего Востока.

Во время краткосрочного свидания, имевшего место в Стамбуле в начале октября оба этих замечательных вождя зафиксировали полную идентичность их решений.

По дороге в Анкору, куда он прибыл 16 октября 1933 г., г. Титулеско остановился на 24 часа в Софии. В присутствии г. Муханова он подтвердил королю Борису, что Балканская Антанта подчиняет свою балканскую политику интересам Югославии и что неприкосновенность существующих границ является для нее догмой, ни форма, ни содержание которой не могут подлежать никакому изменению. Он подчеркнул, что Греция, Румыния, Турция и Югославия одушевленные беззаветной преданностью священной идее мира, не могут допустить угрозы миру со стороны Болгарии. Он, при этом обратил внимание короля на то, что, несмотря на все отвращение, которое он питает к аргументации силой, он считает необходимым заявить, что шесть миллионов болгар не могут становиться на пути пятидесяти миллионов людей без того, чтобы они не вынули из карма-

на браунинг, дабы обезопасить себе наконец спокойствие.

Делая эту декларацию, г. Титулеско в сущности и совершал акт человека, пользующегося своим оружием.

Г. Муханов однако не испугался. Он вновь подтвердил, что никогда Болгария не подпишет пакта, закрепляющего существующий территориальный статут балканских государств. Г. Титулеско, кажется, понял в какое смешное положение ставят себя пацифисты, требующие жертв у других или пользующиеся жертвами, которые другие принесли в прошлом, для того, чтобы уклониться от всяких жертв со своей стороны, как это делали Румыния и Югославия. В дальнейшей беседе он счел нужным оставить Болгарии надежду, что Греция и Югославия может быть пойдут на некоторые уступки. Эти две державы не замедлили его дезавуировать.

После продолжительного свидания с Мустафа Кемалем, 16 октября, г. Титулеско подтвердил полное совпадение взглядов Турции, Греции, Румынии и Югославии и предстоящее в ближайшем будущем, заключение оборонительного союза между этими четырьмя державами даже в том случае, если Болгария откажется присоединиться к соглашению. Вместе с тем в ожидании союза г. Титулеско подписал от имени своей страны договор дружбы с Турцией. Через несколько недель Югославия последовала этому примеру. Уступая желанию Югославии, стороны выждали еще три месяца, надеясь на благоприятную перемену в настроениях Болгарии. Этот срок наверное был бы продлен далее, если бы взаимоотношения между всевозможными сербскими и болгарскими группами и общественными организациями не принимали все более сердечного характера. Высокопоставленные сербские чиновники содействовали этому движению. В Афинах и в

Бухаресте опасения, вызванные возможностью соглашения между обеими славянскими державами, от этого само собою разумеется только обострились. Анкара также не была чужда этих опасений. В этих трех столицах было решено положить конец сентиментальным демонстрациям, начинавшим принимать нежелательный оборот. В конце декабря г. Максимос довольно неожиданно отправился в Париж, Лондон и Рим — настоящую цель его путешествия. По пути в Загребе он имел аудиенцию у короля Александра I. Имелось в виду позондировать почву в этих столицах на счет возможности и уместности подписания пакта Балканской Антанты без участия Болгарии. Если верить г. Максимосу, Муссолини никаких решительно возражений не сделал. Титулеско, со своей стороны, сделал все возможное для того, чтобы ускорить подписание новой конвенции, безотнositельно к тому, каковы были истинные желания Белграда. В то же время Мустафа Кемаль демонстрировал свое резко отрицательное отношение к политике стран, добивающихся ревизии трактатов. Известен эпизод, когда он обратился с публичной критикой по этому поводу к г. де Таи, посланнику Венгрии в Анкаре, и заставил присутствовавшего секретаря одной из европейских миссий, записать тут же его слова.

В конце января 1934 года, король Борис отдал визит королю Каролю II в Бухаресте. Он не смог увидеться с Титулеско, который в это время был довольно серьезно болен, но Муханов имел возможность побеседовать с ним. Титулеско проявил неговорчивость, граничившую с резкостью. Со своей стороны Муханов покинул его на новом категорическом заверении, что существующие балканские границы абсолютно неприемлемы для Болгарии.

3 февраля 1931 г. Титулеско, еще не оправившийся от болезни, Тевфик Рушди бей

и Максимос съехались в Белграде. Вместе с Евтичем они средактировали пакт Балканской Антанты и все четверо с большой помпой подписали его в Афинах 9 февраля.

Этот новый дипломатический инструмент состоял из трех довольно кратких пунктов.

Исходя из пакта Бриан-Келлога и дополняющих его решений Лиги Наций, основной своей целью он считал укрепление мира на Балканах. Державы взаимно гарантировали все существующие балканские границы и обязывались к принятию согласованных мер в случае наступления событий, могущих затронуть их интересы. Наконец, они брали на себя обязательство не совершать без предварительного взаимного осведомления никаких политических актов в отношении других балканских государств, не подписавших Пакта и не вступать с ними ни в какие договорные отношения, без согласия остальных договаривающихся сторон.

Пакт был объявлен открытым для присоединения к нему всех балканских государств. Вступление их имеет быть предметом благожелательного рассмотрения договорившихся сторон.

Специальным актом Турция освобождалась от требований, могущих быть в противоречии с принятыми ею на себя обязательствами по договору ее с Москвой.

В момент ратификации пакта Вачизелос потребовал включения резерва, лишавшего подпись Греции всякого значения, а именно, Греция оставляла за собою право воздержаться от вмешательства в случае военных действий, в которых Болгария и Албания оказались бы действующими в согласии с Италией. Кабинет Цалдариса остался в меньшинстве в сенате и Цалдарис был вынужден согласиться на включение резерва. Державам подписавшим с Грецией пакт не оставалось ничего, как принять этот резерв к сведению.

Будущее покажет какова ценность подписи данной при таких условиях. До сих пор лишь одно обстоятельство дает возможность судить о том, какова будет роль пакта в будущем.

Как только вспыхнуло последнее мартовское возстание в Греции Венизелос немедленно обратился к Муссолини с телеграфными призывами, прося поддержки Италии, как если бы помощь ей была ему обещана. Эти телеграммы, перехваченные западными державами, были немедленно сообщены государствам, подписавшим Балканский Пакт. Одновременно эти государства узнали, что Болгария начала сосредотачивать свои войска на греческой границе. Без малейшего колебания Турция привела в боевую готовность свои части, сосредоточенные во Фракии.

Болгария заявила протест против этого

жеста перед Лигой Наций. Если верить ее объяснениям, принятые Софией военные меры были вызваны исключительно желанием охранить свою границу от вторжения мятежных греческих войск. Объяснение это стоило то, что стоило, но подписавшие Балканский Пакт державы оценили по достоинству энергию и быстроту принятого в Анкаре решения, которое парализовало бы Болгарию, если бы у ней оказались злые намерения.

В меньшей, правда, мере, Югославия со своей стороны тоже оказала Греции помощь, которую она у ней просила. Конечно, никто и никогда не сомневался в ценности турок и сербов в роли союзников, но все тем не менее были очень рады случаю, продемонстрировавшему лишний раз высокое значение их подяси под международным актом.

Д. Милья.

Походенья меньшевицкаго дипломата

Здоровый национальный юмор требует, чтобы самому уметь высмеивать то, что привычной человеческой робости кажется явлением нормальным и даже превосходным, но что на самом деле является фактом губительного уродства и рокового заблуждения.

Не так давно, среди разноплеменной эмиграции, осевшей в гостеприимной Франции, грузинская эмиграция считалась самой «привилегированной». Она имела свою грузинскую легацию и своего грузинского посланника — несмотря на аннексию Грузии советской Россией.

Правда, положение этой легации было не

из заведных. Грузинскому посланнику Абакию Ивановичу Чхенкели то и дело твердили на Ка д-Орсе: «пожалуйста, не рыпайтесь! пожалуйста, сидите у себя дома!» Можно сказать, что дипломатическая резвость господину посланнику советовалась в размерах, подобающих его основательной тучности. Но в остальном и внешнем все было настолько «по протоколу», что жаловаться было не на что. Грузинский посланник числился в списках дипломатического корпуса, бывал на всех новгородских приемах у президента республики, мозоля глаза советскому послу (сви ненавидели друг друга, как истые марксисты!) и, наконец,

имел от управления президентской охоты парубитых фазанов ежегодно. Правда, судьба Грузии от этого нисколько не менялась. Козлиция между грузинским посланником и послом советским тоже прекращалась тотчас же как только они покидали президентский дворц, ибо нигде они потом не встречались, но полагалось думать, что грузинский флаг все же реял в Париже!

Сама же грузинская эмиграция довольствовалась тем, что несколько государств, действительно, ставили нам визы на наших грузинских паспортах, а одно из них, в отношениях с нами доходило даже до такой простоты, что не то ради упрощения анкеты, не то ради упрощения самой пореды грузинских людей, в рубрике — «профессии», просто писало — «меньшевиств»!...

Как это могло случиться, что меньшевизм стал профессией, а весь грузинский народ оказался увлеченным только одной этой «профессией», об этом надо спросить грузинского посланника, который за всю свою долгую и нудную посольскую деятельность внушал иностранцам только две истины: во-первых, что в Грузии имеется марганец, а во вторых, что единственной национальной грузинской партией является партия русофильских грузинских меньшевиков!

Была у грузинского посла и другая слабость, если не считать ее страстью: устраивать браки расторопных грузинских юношей с снобирующими американскими невестами и считать их, если не совсем «политическими браками», то, во всяком случае, глубоко-национальным грузинским делом. Правда, при этом требовались кое какие познания по генеологии, науке совсем «аристократической» и мало совпадающей с учением Маркса и программой меньшевизма. Вадобанные американские невесты желали, чтобы грузинские женихи все

были княжеского происхождения. И посланник легко одобрял всякую княжескую родословную, лишь бы невеста была, действительно богатой.

Сколько из за этого было разговоров в обществе, сколько писалось в газетах неприятного и оскорбительного для самого посла, для легации, для грузинского дворянства, одного из старейших в мире, — грустно даже вспоминать. Но делать было нечего. Видимо так бывает всегда, когда дело представительства чести и достоинства нации, попадает в неразборчивые руки людей с широкой марксистской программой, но с малой национальной культурой.

Но Бог с ней, с этой грузинской легацией! Оставленная в живых, очевидно, не для воссоздания грузинской независимости, а для нужд чуждой нам крупной политической игры, рано или поздно, легация эта должна была исчезнуть и она, действительно, исчезла. Она была упразднена как только приступили к переговорам о заключении франко-советского договора.

Но разговор сейчас не об этом. Последнее два года грузинскую эмиграцию вслиовал вопрос, как устроить свою правовую жизнь на чужбине, без легации, без посланника и без президентских фазанов, ибо они больше, увь, не присылались. И оказалось что зови не зови г. Чхенкели посланником, а устроиться без него «невозможно». Это мы видели на собрании грузинских беженцев в Париже 2 февраля этого года.

История эта кратка, но поучительна для меньшевицких нравов, касается ли это меньшевицких послов или меньшевицких пропагандистов.

После упразднения грузинской легации, французскими властями был создан грузинский «оффисе», а беженцам дано было право составить эмигрантский совет, который был

бы руководящим органом грузинских беженцев. Этот совет и был избран на одном из собраний парижской грузинской колонии. Но для того, чтобы «совет» получил признание со стороны французских властей, требовалось, чтобы бывший грузинский посол сдelaл надлежащее со своей стороны представление куда следует. И вот тут то и оказалось, что радетель за грузинское дело, г. Чхенкели, этой своей обязанности и не выполнил. Поводом для такого антигрузинского поступка г. Чхенкели послужило то обстоятельство, что меньшевики, требовавшие для себя половины мест в «совете» и не получившие на это согласия со стороны большинства собрания, побынули собрание еще до выборов, а самые выборы объявили несостоявшимися. Бывший грузинский посланник примкнул к своей партии и повел самую злостную интригу против большинства эмиграции и против «совета». Вопрос о признании «совета» французскими властями затормозился и неизвестно, чем это дело в конце концов окончилось бы. Между тем, было созвано новое собрание беженцев, на котором меньшевики выступили с новой «комбинацией». Предлагалось выбрать новый «совет» в составе трех лиц: председателя Грузинской Ассоциации во Франции, бывшего посланника г. Чхенкели и кн. З. Авалишвили. Но на собрании произошло нечто «непредусмотренное». Против вхождения в совет г. Чхенкели высказалась целая политическая организация, как против человека явно партийного и не стоящего на высоте нейтрального лица, как подобало бы бывшему посланнику. Кн. З. Авалишвили сам снял свою кандидатуру и даже покинул собрание. Что же касается третьего кандидата — председателя Ассоциации, то он

подлежал еще выбору. Несостоятельность меньшевизской комбинации была очевидна. Но она все таки была предложена и «прошла» голосами людей из «единого фронта» и «левых» даровых квартирантов, казенного грузинского дома. Особенно надо отметить, что на голосование была предложена кандидатура кн. Авалишвили, категорически отказавшегося от участия в подобной «комбинации», что уже граничило с явным падувательством собрания. Нет сомнения, что многие эмигранты, в шуме меньшевизских голосов, не слышавшие об отказе кн. Авалишвили, голосовали за комбинацию исключительно из за него. Оппозиция голосовала против или воздержалась от голосования. Считали голоса тоже Бог знает как и не было объявлено сколько присутствовало на собрании эмигрантов. И вся эта «победа» г. Чхенкели и меньшевиков была отпразднована финальным актом, вполне достойным грузинского меньшевизма — избранием в почетные члены «Грузинской Ассоциации во Франции» г. С. Мдивани, только что, третьим браком женившегося на первой жене своего третьего брата.

Легация г. Чхенкели, легация меньшевиков — с расторопными грузинскими юношами и утверждениями г. Чхенкели, что единственной грузинской национальной партией является партия грузинских меньшевиков, пытается, всеми правдами и неправдами, вновь выплыть на сцену.

Тщетные мечты... Мертвые не воскресают.

Так делают г. Чхенкели и меньшевики грузинское национальное дело.

Ш. Амиреджиби.

Мемуары ген. Муса-паши Кундухова

ГЛАВА ВТОРАЯ*)

Горские депутаты в Тифлисе. — Владикавказский комендант. — Вали закубанских черкесов Казбек Канонов. — Назначение корпусным командиром генерала Нейдгарта.

Признавши Шамиля имамом, между всеми племенами водворилось никогда до того небывалое единодушие и согласие. Забыли постоянно между ними существовавшую вражду и кровомщение. Обычное скотокрадство совершенно бросили.

Считали грехом проливать слезы над павшими в священной для них войне.

Таким образом разнородные племена Восточного Кавказа начали сливаться с чеченцами в одно целое, с готовностью умереть за свою свободу.

Здесь нужно заметить, что такому небывалому между ними единству способствовал не религиозный фанатизм или мюридизм (как убеждают русские), а то, что до вступления их под власть русских они не имели понятия о величайшем несчастье, т. е. об общем народном горе. Теперь они одинаково испытали тяжесть русского гнета и почувствовали всю его силу и значение и потому просто, по вступлению сердца и разума, нашли необходимым дружно соединиться и признать власть Шамиля, для твердого и совокупного сопротивления и действия против врага. В чем они не ошиблись и что по всей справедливости делает им честь.

Генерал Головин, получивший донесение

от генерала Граббе о чеченском возмании, хотя поздно, пожелал остановить его. Он приказал мне отправиться на линию, пригласить от кабардинцев, осетин и чеченцев почетных людей, которые бы ему могли откровенно объяснить вообще народные желания и причину чеченского возмания.

При этом вспомнил о прошлогоднем моем докладе и поблагодарив меня за преданность правительству, сказал: «Пусть чеченское возмание падет на совесть виновных». Я полагаю, что слова эти относились к царю Ньолою и к генералу Граббе.

В тот же день я отправился в крепость Грозную и приехавши туда, явился генералу Пулло, которого нашел в положении человека в счастье бывающего черезчур надменным, в несчастье — черезчур низким и малодушным*).

В крепости Грозной я нашел из чеченцев только двух человек, которые служили в конвое Государя Императора и, получивши там чины корнета, остались ему верными, не принявшими участия с ближайшими их родственниками в возмании.

Оба они, живя в крепости Грозной, не ходили к ген. Пулло, считая его врагом народа и царя (так выражались они о Пулло).

*) См. «Кавказ» № 1/25.

*) Его прогнали навсегда от службы. М. К.

Убедив обоих этих чеченцев в готовности главного начальника края охотно исполнить все основательные просьбы чеченцев, отправил их к главным наймам, имевшим сбор в Большой Чечне в ауле Майртупе (с намерением двинуться к Салатави).

Чеченцы посланных моих приняли с большим негодованием и отказались навсегда от всяких мирных сношений с русскими. Главный же их наиб Шуанб поручил моим посланцам сказать мне: Если корпусному командиру угодно знать причину нашего возстания, то пусть спросит генерала Пулло; он причины эти знает лучше всякого чеченца, которым теперь остается только просить Бога, чтобы навсегда избавиться от всех Пулло или умереть на штыках их.

Кроме того, отныне помню Шамиля никаких переговоров между нами быть не может.

Достаточно убеждая отзывом главного чеченского найба в нежелании их переговариваться с русскими, а также считая вторичное послание уполномоченных непопулярным и даже опасным для переговорщиков, я взял с собой двух чеченцев этих, отправился в Кабарду, Тагауры и Дигору, где по выбору народа депутаты были готовы к отъезду в Тифлис.

В это время начальником осетинского народа и комендантом Владикавказской крепости был некто полковник Широкий, человек, как говорится, необтесанный, до крайности грубый и невежа; самые обыкновенные формы приличия были ему чужды; не чувствовал чуждого гора: приходи к нему с самыми убедительными просьбами, непременно накричит и обругает просителя.

За это я называл его врагом всякого приличия и позволял себе в присутствии его приближенных осуждать обращение его с подчиненными. Из этого он вообразил, что депутаты по моему внушению будут жаловаться на

него корпусному командиру и потому, желая вооружить против меня корпусного командира, написал к начальнику штаба генералу Коцебу, будто бы я между горами распускаю вредные слухи и наущаю высшие сословия к таким просьбам, исполнение коих неудобно правительству. Письмом этим, как я после узнал, генерал Головин и начальник штаба были поставлены в фальшивое положение; они, испытав меня в экспедициях и в разных поручениях, не имели права сомневаться в искренности моих желаний для водворения спокойствия в крае. Также не могли не обратить внимания на содержание письма начальника колебавшегося народа, где я имел родство с влиятельными людьми.

Не зная ничего о сплетнях Широкова я приехал в Тифлис с князьями и представил их начальнику штаба, который каждого из них знал лично и после короткого с ними разговора повел их к корпусному командиру.

Генерал Головин, приняв от депутатов народные просьбы, долго говорил с ними о прошедших ошибках русских и горцев и будущем благе тех и других. Затем, на третий день, князья, получив от корпусного командира щедрые подарки, возвратились в дома свои, а просьбы об утверждении за ними личных и поземельных прав по обыкновению остались в делах к сведению.

Перед тем как я хотел повести их принять подарки и проститься с корпусным командиром, зашел в номер гостиницы, где стояли князь Алхас Мисостов и Магомет Мирза Анзор, которых я уважал больше других кабардинских депутатов. Они оба, будучи недовольными ответом ген. Головина на просьбу их об утверждении за Кабардою земли Зольо и Этоко, спросили меня: «Можно ли нам отказаться от подарков корпусного командира?» — Нельзя, — сказал я. «Почему?» — спросили они. —

Потому что в настоящее время он сильно опасается общего волнения всех горцев Кавказской линии, а более всего за Кабарду и за тагаурцев и потому легко может понять ваш отказ как дурной знак, то-есть, может подумать, чтобы уже в сношении с Шамизем.

— «Ого! — воскликнул князь Мисостов, — напрасно, напрасно опасается генерал общего возстания. Скажите ему, что я могу ручаться за неосновательность его опасения. Кто в Кабарде возстанет? Разве он не знает, что в Кабарде осталось только пустое имя Большая Кабарда, а кабардинца, думающего о высших интересах Кабарды не осталось ни одного. А в вашем Тагауре еще хуже; все сословия от бего своего отказались и отдали себя на произвол русских. Если же они оба не возстанут, то каким образом может состояться общее возстание? Гм! — странно, что глур сам нас заживо похоронил, да еще полагает, что мы живем».

Замечая в них готовность высказать все свое негодование, я счел не лишним им заметить так: Все что вы сказали имеет основание, но, извините меня, что я их в настоящее время, а тем более, в Тифлисе, наеху неуместными и желал бы вам избегать с кем бы то ни было подобного разговора и непременно принявши подарки, отправиться домой, в ожидании того, что Бог даст.

— «Подарки эти, — сказал Анзоров, — мы примем, но просим вас не сомневаться в том, что они внушают нам не благодарность, а негодование к тем русским, которые их нам делают коварно, но еще более и сильнее внушают нам презрение к нашим, которые, зная унижительность нашего положения, вопреки завещания достославных отцов наших, жадно за них хватаются, жертвуя за них народным интересом».

Разговор этот сильно подстрекнул мое лю-

бопытство и я спросил их: «А в чем состояло завещание отцов ваших?». «Да разве вы не знаете», — заметил князь Мисостов. — «Право не знаю, — сказал я. «О, это очень интересно, слушайте: Царь-Женщина (Екатерина II) потребовала от кабардинцев дозволить русским проложить почтовый тракт от Екатериноградской станицы до Владикавказа, по левому берегу Терека. Кабарда, поняв шайтанские цели, последила отправить двух князей Атажукина и Беслана Хамурзина просить не строить на кабардинской земле крепостей и станиц. Царь-Женщина, легко убедивши наших депутатов, что кроме голой дороги и почтовых станций, и то только как раз по левому берегу реки Терека ничего не будет строить, взяла от них слово постараться согласить на это кабардинцев. Князья, получивши от нее богатые подарки, возвратились в Кабарду, где на Баксанке народному съезду передавши все, что Царь-Женщина обещала сделать для счастья Кабарды, начали, согласно своему обещанию, убеждать кабардинцев, что от одной дороги им не предстоит никакой опасности. Когда же они сильно настаивали, то народный кадий Шаугенов, посоветовавшись с некоторыми из князей, обратился к народному съезду со следующей речью: «Одного шута товарищи посадили на молодую не выезженную лошадь и когда конь начал сильно брыкаться, то товарищи, опасаясь за шута начали ему предупредительно кричать, чтобы он поскорее, но ловко, сам себя сбросил. На это шут им ответил: — зачем мне трудиться, когда конь сам это делает. Точно также, если мы будем поддаваться русским заманчивым соблазнам, то нечего говорить — дух корысти сам подчинит Кабарду произволу русских. От чего сохрани вас Бог».

Хотя речь кадия в собрании была встречена близкими родственниками депутатов с большим негодованием, но несмотря на это де-

лутат князь Хамурзин с почтительным смирением обратился к народному съезду так: «Не согласиться со сказанным кадием значило бы отрицать истину того, что за хвостом этих подарков скрываются таинственные и коварные против нас замыслы русских. Но к несчастью дело в том, что если бы те князья, со слов которых кадий сказал очень умную и нравственную речь, сами получили бы от какогонибудь простого генерала подарки, ценностью далеко ниже тех, которые мы получили из рук Царя-Женщины, то речь кадия была бы совсем другого содержания. Впрочем мы не хотим дать право злословию и быть дурным примером в народе, потому отказываемся от полученных нами подарков и просим вас отдать их тому, кто им завидует или тому, кто в них нуждается... Мы же получили их на том справедливом основании, что кто бы только ни был от вас послан депутатом, получил бы их точно также, как получили мы.

Когда на это съезд поспешно и единогласно ответил, что подарки принадлежат им, Хамурзин отозвал товарища своего, князя Атажукина в сторону. Посоветовавшись между собою, они оба взяли подарки свои и пошли на мост; совсем на середине моста князь Хамурзин обратился к народному собранию и начал так: «Мы, понимая истину, что русские подобными блестящими камнями*), чинами, золотом и серебром хотят помрачить навсегда блеск (нур) Кабарды, просим Бога, чтобы отныне навсегда всякий кабардинец отворачивался как от харама**) от русских подарков

*) Подарки эти состояли из браслетов, серег, перстней и часов с крупными богатыми камнями. М. К.

**) Слово «харама» имеет много значений: все что есть и может быть вредным, запрещенным, отвратительным и грехом. М. К.

и чинов, от которых мы, как от харама, перед вами и перед потомством омываем себя вот этой Баксанкой». Со словами этими подарки из рук князей полетели в глубину быстротекущего Баксана.

В это время из среды съезда раздались многочисленные громкие голоса: — Аферин! (браво). Вот что значит чистая кровь! Вот что требует намус (честь) и проч.

Затем князь Атажукин так же обратился к собранию со следующими словами: — С позволения старшего***) моего, я также хочу сказать вам несколько слов в надежде, что вы нас поймете. Мы позволили себе принять подарки потому что, к несчастью, имели много прошлых примеров. Теперь, если пример, нами показанный, достигнет своей цели, то мы с Хамурзиным будем гордиться своим поступком. Если же кончится только тем, что на съезде слышим пустые об нас похвальные отзывы, то крайне будем сожалеть, что нам не удалось осуществить пламенное наше желание и что Кабарда уже не то, чем должна быть».

Речь Атажукина с восторгом была принята всеми бывшими в собрании и съезд решил не допускать русских прокладывать дороги, строить крепости и казачьи станицы на кабардинской земле, считать изменниками тех, которые будучи по делам народа в сношении с русскими, согласятся принять от них чины или подарки и казнить их как врагов народа и, по примеру закубанцев, назначить одного Валия с определенными правами.

Таким образом Кабарда назвала проклятым (наанатом) того, кто примет от русского

***) Вообще у горцев неприлично между равными по происхождению младшему вести разговор, не получивши приказания или разрешения от старшего по летам.

начальства и отказавшись выдавать аманатов начали враждовать».

На вопрос мой, каким образом закубанские племена сумели подчинить себя одной власти, князь Мисостов рассказал мне следующее:

«Разноплеменные закубанские племена испытывавшие много зла от междоусобной вражды, нашли для блага своего необходимым иметь над всеми ими одного полновластного Валия (владетеля).

В бывшем по этому случаю народном съезде справедливый выбор пал на бесленеевского князя Казбека Конокова, которому все закубанцы в числе более ста тысяч дворов охотно и безусловно себя подчинили.

По рассказам современников князя, он был природою так щедро награжден всеми лучшими качествами человека, что народ видел в нем человека выше обыкновенного.

Казбек мнение народа так оправдал, что впоследствии народ прозвал его Казбеком Великим.

Русское правительство, сильно его опасаясь, напрасно употребляло все меры и средства подготовить или склонить его на свою сторону: даже Царь-Женщина, вследствие одного его великодушного поступка с донскими казаками, сама прислала к нему своего адъютанта с очень богатыми подарками, от которых князь, разумеется, отказался, прося адъютанта благодарить Царя-Женщину за ее к нему величайшее внимание и не осудить его за то, что он, к сожалению своему, не может, по обстоятельствам своим, при все желании, воспользоваться ее богатыми дарами, превышающими в ценности все его состояние.

Адъютант, будучи несжиданным отказом озадачен, начал крепко настаивать и убеждать Казбека в необходимости согласиться принять

подарки, как знак благоволения Царя-Женщины.

— Я бы их принял, заметил князь, — если бы я был в состоянии хоть скольконибудь им соответственно взаимно отблагодарить, но я вам говорю, что они больше стоят, чем все мое состояние.

Когда адъютант продолжал убеждать его, что отказ его может огорчить великого Царя-Женщину и будет против приличия, то князь спросил его:

— Неправда ли всякий человек вольно ли невольно ли должен подчиняться своим народным обычаям, веками сложившимся, которые он привык считать священными?

— Правда, — сказал адъютант.

— Если это правда, то кто же из нас прав — вы или я? По вашему стыдно не принять, а по нашему — стыдно принять и потом ничем не отблагодарить.

Таким образом адъютант с подарками этими отправился обратно в Россию.

— А в чем состоял великодушный поступок его с донскими казаками? — спросил я.

— Русский отряд, — продолжал Мисостов, — расположился там, где теперь стоит Ставрополь. Так как местность эта, как вы знаете, не ровная, состоит из множества балок и возвышенностей, то начальник отряда каждый день по утрам и по вечерам высылал на все четыре стороны по сотенно казачьи отряды.

Черкесы подметив их, сделали в двух местах засаду и неожиданно напали на разъезды, из коих одна сотня без малейшего сопротивления, как стадо рогатого скота, была взята в плен; другая моментально соскочила с коней и, застреливши своих лошадей, успела подедать из них себе завалы и веда перестрелку, наносила черкесам чувствительный урон.

Наконец, черкесы устыдились и разом

ударили на них в шашки и оставшихся в живых до шестидесяти человек взяли в плен.

Когда пленные казаки были представлены Казбеку Великому с подробным объяснением дела, то ту сотню, которая без боя сдалась приказал отдать черкесам в рабство, не разбирая чинов и звания, а храбрых казаков спросил: — почему они так дерзко защищались?

— Мы исполняли долг присяги и службы и делали то, что приказывал нам наш командир.

— А у кого родилась мысль зарезать лошадей?

— У сотенного командира, — отвечали казаки.

— Где он?

— Изрубили шашками.

— Жаль его, — сказал Казбек, — он и вы все достойны всех похвал и потому возвращаю вас обратно, в надежде, что вы все получите заслуженные награды.

Таким образом, храбрые казаки, получившие каждый по одной лошади из лошадей трусливой сотни, были под коновое отправлены в русский отряд.

Кроме того, раз черкесы, в числе 25 человек, напали на казачий пост, состоявший из одного урядника и 7 человек казаков и забрали их в плен, хвастаясь своей победой.

Казбек, узнавши об этом, потребовал к себе черкесов и казаков и отобравши от них подробности бывшего их нападения, казаков уволил, а черкесов устыдил, что они в числе 25 черкесов напали на 7 казаков и считают это победой, тогда, как такое нападение приносит стыд имени черкеса.

— Мы, — сказал Казбек, — благодаря Бога черкесы (Адыге) победили, которую мы можем хвастаться есть следующая: разбить и обратит в бегство отряд, вооруженный пушками и в численности более нашего. Самая замечательная и похвальная победа та, когда чело-

век с оружием в руках падает за свою свободу и честь. Неужели мы, к стыду своему, будем считать храбростью или мужеством, если 5 черкесов нападут на двух казаков?..

Вообще он не любил воровские набеги и строго их запрещал..

— Вот вам некоторые из множества эпизодов о Казбеке Великом, — со вздохом заключил князь Мисостов.

Поблагодаривши его за сведения, коими и был восхищен, от них я зашел в номер полковника кн. Бекмурзы Айдемирова, который почти всегда был в отличном расположении духа.

Он лет восемь служил в коновое Его Величества. Следовательно нечего говорить о том, что от своего отстал, а к русским не пристал и более думал о том, как бы ему хорошо жить, не касаясь до высших интересов народа, несмотря на то, что он был назначен Валнем Кабарды.

Как только я вошел к нему, он обратился ко мне и начал так:

— Князь Мисостов, Магомет Мирза Анзоров и Иналук Кубатиев советуют нам отказаться от подарков и требовать от корпусного командира решительного ответа, останутся ли за Кабардой земли Золко и Этоко или нет. Они странные люди; не зная русских законов, думают, что корпусный командир может им сказать, не спросивши царя: да или нет.

Между тем, письмо полковника Широкова обо мне было отправлено к командиру Малороссийского полка, (стоявшего около Владикавказа), полковнику Рихтеру для производства по нем серьезного дознания.

Полковник Рихтер положительно дознав истину, донес корпусному командиру не в пользу Широкова, которому вследствие того велено было подать в отставку, а на его ме-

сто назначили полковника Нестерова, образованного и вполне достойного человека.

Генерал Головин зрял мне, как самому себе, в чем ни мало не ошибался: доверие его, я, видя счастье сородичей моих не в войне, а в правильной трудолюбивой жизни, ценил и оправдывал по силе возможности. Вместе с тем я не обвинял чеченцев. Их невольно принудили взяться за оружие.

В 1843 году генерал Головин и генерал Граббе, оба в одно время, были сменены. На место Головина назначен генерал-от-инфантерии Нейдгарт. На место Граббе — генерал-лейтенант Гурко.

Они оба ко мне не благоволили, подозревая меня в сношении с Шамилем. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство:

Старший родной брат мой Хаджи Хамурза не мог равнодушно видеть русского, кто бы он ни был, и, вопреки тому, что я многих из близких нам людей останавливал от намерения перейти на сторону воюющих горцев (убеждая каждого, что они напрасно боятся за свою будущность и что война эта кроме разорения ничего народу не представит) напротив того, брат мой, поняв лучше меня, русское правительство, упрекал меня в легковерии. Он постоянно твердил одно и то же: «русские на словах, как злая мачеха, утешают счастливой будущностью, а на самом деле уничтожают все источники нашей будущей жизни, как на этом, так и на том свете».

Он считал войну эту священным долгом для всякого кавказца, не исключая и грузин и армян и потому решительно не желая слушать ничего противного, ушел в Чечню.

Уходом его недоброжелатели мои успели убедить новое начальство в небывалых моих переписках с Шамилем.

Зная недоверие ко мне генерала Нейдгарта, я подал ему докладную записку о назначе-

нии меня на службу поблизости дома отца моего во Владикавказский военный округ, на что корпусный командир охотно согласился (не желая иметь при себе подозрительного человека). Я тоже с особенным удовольствием оставил главную квартиру, где, не пользуясь доверием, не хотел быть лишним человеком.

Между тем, чеченцы и главный наиб их Ахверди Магомед, не менее того не верили чистосердечному переходу к ним брата моего, считая его за русского агента, казнили проводника его в Чечню, а самого, под строгим караулом, отправили к Шамилю. Дав ему верных за себя поручителей, брат получил полную свободу, а также обещание, что в скорости будет назначен наибом*).

Я же, руководствуясь спокойной совестью, продолжал по прежнему безукоризненно исполнять долг человека службы, в чем начальник мой, генерал Нестеров был убежден как нельзя больше и потому постоянно до смерти его (в чине генерал-лейтенанта в 1849 г.) я был с ним в отличных отношениях. Он был одним из редких русских начальников, которого подчиненные ему тагаурцы и назрановцы до того полюбили и уважали, что милиция от них в большом числе находилась при слабых его отрядах и служила гораздо усерднее и полезнее, чем солдаты и казаки. (Правительство несколько не оценило их службу).

При кратковременном командовании генерала Нейдгарта, силы Шамиля быстро росли: сильное Аварское ханство и Абушинское общество возстали против русских и подчинились Шамилю (после смерти Ахмет-хана).

Муса Кундухов.

(Продолжение следует).

* На другой год (в 1844 году) он был убит в Большой Чечне в деле с русскими.

18 лет без императора

(ОКОНЧАНИЕ)*)

Нет никакого сомнения в том, что, кроме идей, целей и чувств, о которых говорилось выше, «русские» располагают и значительным духовным капиталом, совокупностью российской культуры: языковой, религиозной, художественной, музыкальной... Но, капитал тот, по справедливости, ведь не есть исключительное достояние тех, кто себя называет «русским», он накоплен тысячелетиями и составлен в 19-ом веке трудами и усилиями представителей всех входивших в состав Российской Империи народностей, как музей английских древностей, ничего общего с великороссами не имеющих. Не только русский язык, усовершенствованный до неузнаваемости — церковно-славянский, есть результат коллективной деятельности литераторов, поэтов, педагогов, артистов и т. д., самых разнообразных национальностей, где в процентном отношении «великороссам» отнюдь не принадлежит ни одно из первых мест, но и музыка, и театр, а равно и всякого рода искусства расцетом своим обязаны скорее, если не представителям «не-великоросского» племени, то, во всяком случае, разным метисам.

Тот факт, что «русские» перед иностранцами выдают все это за свое, тот факт, что ни одна народность из участвовавших в этом «русском чуде» до сих пор не предъявила своих претензий или не выразила протеста безцеремонно-наглому присвоению исключительно «русскими» общего, не только одним им принадлежащего достояния — дела вовсе не ме-

няет, потому, что всяким капиталом нужно уметь пользоваться**).

Настанет время и тем скорее, чем скорее начнут пробуждаться еще застрявшие среди «русских» все «не-русские» и станут почитать ряды своих прозревших уже собратьев: русские армяне становятся просто армянами, малороссы переходя к украинцам, русские «за Граббе-ленные» казаки к вольным казакам и т. д., о грузинах и вообще кавказцах, говорить даже лишнее, потому что те оставшиеся единицы, которые продолжают еще считать себя русскими, очутившись неминуемо в уготованном и для них Казем-Беком, почетном «архивном складе русской смуты» будут последними являть собою доказательство великого заблуждения, помрачения ума тех из представителей их народности, которые судьбу Кавказа связали с Москвою. И вот тогда, весь мир увидит Второе «чудо» и удивится узнав, что то, что он принимал, в течении более чем

***) Тот же Г. П. Федотов в книге своей «И есть и будет», пишет: «Великороссы должны признать и непрестанно ощущать своими не только киевские летописи и мозаику (кстати, византийскую) киевских церквей, но и украинскую песню». Г. П. Федотов, не ограничивается Киевом и Украиной, а откровенно призывает к грабежу: «...должно произойти включение в него (в русское сознание. В. К.) всего того, что в культуре всех народов России есть вечного и ценного, именно через русскую культуру должно приобщиться к культуре вселенской».

*) См. «Кавказ» ном. 12/24 и 1/25.

ста лет за «Великую Россию» было не больше не меньше, как мираж, а что Россия «все тоже, историческое мужицкое море», как издатель, выдающий себя за автора произведений, эксплуатируемых им, талантливых сотрудников — лишь использовала разнообразные качества и способности, подчиненных себе насилем, народностей, выпустив на мировой рынок духовный товар под одной общей этикеткой: «русское искусство».

— 0 — 0 — 0 —

Всякая политика, всякая дипломатия, которая не считается с национальным вопросом, расходясь с реальностью, заблуждается в своей идеологии. Она ошибается в своих расчетах, во всех своих предположениях и предвидениях, так как считает возможным то, что неосуществимо. Закрывать глаза на существование вопроса национальностей в России — равносильно утверждению, что можно взять в руку губку, пропитанную водою, не намочив себе пальцев, потому что губка — это не вода.

Одною из главных ошибок России было то, что она принимала за русскую нацию, — конгломерат разных наций, народностей и племен, не считаясь с историей их. Не зная ее, она приняла, то, что в действительности оказалось эпизодом в их многовековой истории, за конец их исторической жизни. То насилем, то обманом прицепив территории, оказавшихся по соседству с нею государств, решив, легкомысленно, что их исторический цикл завершен, Московское Государство, вчера еще бывшее провинцией Монгольской Империи, вообразило, что оно строит великую, на веки нерушимую Империю... уверовало в ее несокрушимость, как верили, наверное, в успех своей постройки, строители Вавилонской башни... В мире не было ни разу, значит, не может быть никогда, нерушимых Империй. Кавказ по опыту знает это, потому, что он видел крушения

и не таких еще империй: начиная с 1-ой Халдейской Конфедерации — империи суммерийцев, ассири-вавилонцев, хеттов, медов, персов, греков, парфян, Александра Македонского, Митридата Великого, империи римскую, византийскую, халифов, монголов, тюрок, опять персов и кончая Россией... все они на виду у него, как и Россия «возникали — рождались, развивались — созревали и исчезали — отмирали» и лишь он один, могучий и истинно-великий стоит и сейчас, вынеся и сохранив в вечности своих законных детей — кавказцев. И если в горах и долинах его спаслись от гибели всевозможные: мосхи, колхи, кахи, иберы, леки и др., то только потому, что: унаследовав мудрость своих предков, они никогда не искали стать, хотя и имели на то не один случай, имперской нацией, зная, что временная слава Империй недолговечна и, что всякий народ, пытающийся разрастись в империю, гибнет безследно, как лягушка, надувающаяся перед волном.

— 0 — 0 — 0 —

Кроме «русских» и считающих себя таковыми, очутившихся в изгнании в результате гражданской войны, потерпевших поражение в борьбе со своим собственным народом, в эмиграции оказались и те, кто вынужден был покинуть свою воскресшую, но неуспешную окрестить Родину в результате войны завоевательной, отступая перед более сильными захватчиками, укрепившимися и усилившимися победой над первыми. Достаточно, уже, одного этого, капитального различия между теми и другими, чтобы не смешивать их и чтобы сознавать ясно, что пропасть, разделяющая их, препятствует их сближению.

Первые виноваты сами в своей судьбе, ибо, не понимая совершающихся вокруг них исторических событий, взяли на себя непосильную задачу. Если даже они и проявили

беззаветную храбрость, то: «Безумству храбрых, поем мы песни...» они могут гордиться своею храбростью и курить сами себе фимиам, но должны сознаться в своих ошибках, а не лгать, не интриговать и не коверкать факты.

Вторые являются жертвою первых, благодаря их попытке навязать силою то, что не соответствовало ни времени, ни обстоятельствам и еще потому, что ввели в обман представителей союзных правительств, отказались от совещания на Принцевых островах и продолжают, систематически, мешать дипломатической деятельности бывших членов правительств разных, образовавшихся на территории развалившейся империи, государств^{*}).

В одном из заседаний происходившего в 1932 г. съезда О-ва Лиги Наций, при голосовании резолюции в пользу Грузии, русская делегация воздержалась. Н. Д. Авксентьев, выступивший от нея, заявил приблизительно следующее: «Русская делегация не может голосовать ни за, ни против. Не может голосовать против потому, что самоопределения народностей она отрицать не может; не может голосовать за потому, что: самое понятие «самоопределение» понимает в смысле федеративной связи».

Распределение на два лагеря, о котором говорилось выше, не есть явление исключительно российское. Тенденция к нему заметна во

^{*}) В ноябре 1918 г. в салоне великобританского посла в Яссах, разными русскими организациями, был вручен и телеграфно затем передан в Париж, Лондон, Рим и Вашингтон, меморандум оканчивающийся следующими словами: «...Делегация ожидает, что первые же вооруженные силы союзников принесут с собою твердое решение не призывать отдельных государственных образований... и вернут России адриатический флаг — символ ее единства».

всем человечестве. Ныне мир переходит от универсального патриотизма к национальному обособлению, к тому, что те, кому это не нравится называют «расовым шовинизмом». Разве не ясно, например, в переживаемых миром событиях, столкновение тех же двух сил? — Разве 20-й век не характеризуется соревнованием, родившихся в муках великой войны, двух идей? — Идей национальных государств, в границах этнических и противоположной ей, идеи государств национальностей и постепенным упразднением всяких границ.

Сепаратизм в России, будучи созвучен с движением называемым теперь «пробуждение народов», есть явление вполне нормальное, вызванное стеснительной исторической необходимостью. Как пробуждение национального самосознания большинства народностей земного шара характеризует нашу эпоху и является реакцией на политику, навязанную человечеству после французской революции 1789 г., последствиями наполеоновских войн и в результате ряда революций, так и национальное возрождение всех без исключения народностей, включенных в течение того же периода времени, в Российскую Империю, есть реакция на попытку насильственно остановить историческую жизнь этих, веками живших своею историческою жизнью, народностей. И то и другое объясняется необходимостью зыйти на правильный путь с пути ложного, вывихнутого, в который завели Европу, да, пожалуй, и не только ее, дипломаты и политики 19-го века. Это как бы реванш исторической законности над безумными экспериментами отдельных, мнивших себя «великими гениями», а на самом деле близоруких личностей. Это, наконец, блестящее доказательство банкротства разных Наполеонов и Карлов Марксов, императоров и социалистов, универсалистов и интернационалистов.

Сторонники восстановления «Российской

государственности» и идеи «Единая-Педели-мая» (и то и другое плод заблуждений 18-го и 19-го веков, созревший в атмосфере универсализма) хотят они этого или нет, парадоксально оказываются в одном лагере с теми, кого они громко провозглашают своими врагами, разными интернационалистами и большевиками, ибо — что значит их «Всееленскость», если не тот же «Интернационал»? — В первом случае предполагается объединить все человечество в «русском православии», а во втором в «русском коммунизме». Разница, так сказать, доктринальная, но цель одна и та же: обрусить, сиречь обольшевичить все человечество и подчинить его одному центру — Москве. Будет ли Москва играть роль 3-го Рима, будет ли она центром 3-го интернационала, в обоих случаях преследуется создание, единого всемирного государства, т. е. осуществление миссии «народа богоносца», миссии «Великой России». Становятся понятными: «манифест 10-ти генералов в 1920 г.», факт участия большинства «русских» офицеров генерального штаба в создании красной армии, слова ген. Деникина «я под советским мундиром может биться «русское» сердце и признание Г. П. Федотова: «Национальная Россия лишь по недоразумению ненавидит большевиков, ибо по существу хочет того самого, что ныне делают большевики». — «Совр. Записки» ном. 57.

Противники «универсализма», противники «интернационализма», т. е. другими словами, сторонники «интегрального национализма», если они искренни, не могут не быть и противниками «Российской Империи», всякой российской государственности. Самостийники, сепаратисты — будучи безусловными врагами всяких «интернационалов» и «всееленскостей», признающие лишь одну единственную Империю всю Всееленную с одним Императором, Царем Небесным, исходят из неумолимой логики:

Что такое «Российская Империя» с проэктируемой «русской имперской сверх-нацией» — если не частичное суждение того же содержания, что и общее суждение «Интернационал»?

«От истинности общего суждения всегда можно заключить к истинности частного того же содержания, но не наоборот», — учит нас классическое правило силлогизма, следовательно: раз «Интернационал» для сепаратистов — неприемлем, а «русская имперская сверх-нация» есть — частичный интернационал, то значит «русская имперская сверх-нация», «Россия», вообще какая бы она ни была, для сепаратистов — неприемлема.

Не вина логики, если мокрая губка мочит пальцы, а для того, чтобы она не мочила их, нужно чтобы она была сухая, необходимо, чтобы вся вода вышла бы из губки.

—o—o—o—

Очень трудно судить о том, что делается «там». Не все имеют возможность прочитывать ежедневно, как В. М. Левитский, 147 советских газет. Да, кроме того, кто слышал его доклады, тот убедился, что и эта возможность иногда бесполезна для тех, кто видит вещи так, как это ему нравится и объясняет факты так, как это ему хочется.

Откинув всякие «развесистые клюквы» и «генералов Харьковых», остановим свое внимание лишь на том, в чем сходятся все, без исключения, посетившие СССР за все время его существования, можно заметить и выделить одно общее для всех впечатление, выражаемое, чуть ли, не одними и теми же словами:

«В России действуют две силы: централизация и одновременно, развитие национального сознания отдельных народностей», заметил Эррио.

«Est-ce une illusion? — повествует Guy Moncorgé, говоря о Тифлисе — «J'ai l'impression de respirer, ici un tout autre air qu'à Leningrad, Moscou ou Stalingrad... Zaslavski (гид) s'est fait r brouer devant nous, en français, à deux ou trois reprises. — On en a assez de la dictature de Moscou! Et, une autre fois: — Si, ça ne change pas, ça cassera! Cela me porte à croire que l'esprit de fierté et d'indépendance du peuple géorgien n'a pas été complètement étouffé par la régression et le massacre». — L'Echo de Paris. 5. I. 1933.

«Докладчики с Украины объявили, что... только пять дивизий, так называемые «оккупационные силы» из великорусских элементов, сочтены надежными... На Кавказе обстоит дело не лучше. — В Белороссии та же картина: только на две великорусские дивизии считают возможным положиться. Хуже всего для московской власти дело обстоит в Средней Азии. Территориальные войска там прямо таки сепаратистски настроены». — «Настроения красной армии» — «Возрождение» 29.5.1934.

«Наблюдатель высказывается решительно: до первого поражения СССР эти части будут добросовестно воевать против внешнего врага. Но поражение неминуемо приведет к крушению советского режима; тогда начнется распад России, и национальные войска превратятся в оплот сепаратистов». — «Отклики» — «Возрождение» 5.П.1935.

«Я его спросил, доволен ли он самостоятельностью Украины? Он вскипел: «Какой самостоятельностью? Украина оккупирована москалями... В Грузии коммунизм лишь на поверхности. В Тифлисе меня поразило обилие базаров, частных лавок, частных домов... Спрашиваю, а где же коммунизм, где московское «обобществление, огосударствление»? «Грузия смеется». Ек. Кускова «По России» — «Последние Новости» 10.11.1934.

«Посетившая СССР г-жа Сюзанна Бертальон, в докладе своем по возвращении отметила: Она беседовала с грузинами, с украинцами, с представителями других националь-

ностей, — все они высказывали самую свирепую ненависть к СССР. Один молодой грузин умолял ее «похлопотать» во Франции, чтобы сделана была попытка освободить Грузию; «все ее жители с радостью отдали бы жизнь за свободу». «Возрождение» 6.У.1.1935*).

Разматривая все население СССР как одну единую нацию, не желая признавать большевизм, законное детище нигилизма, исключительно великорусским явлением, т. е. своею национальною чертою, «русские» патриоты приписывают все возстания русскому народу, объясняя их сопротивлением его «шайке международных авантюристов», захвативших власть над Россией. Не видят, или же делают вид, что не замечают фактов, бросающихся в глаза даже иностранцам, фактов, которые говорят, что в действительности происходит нечто совершенно иное: русский народ не только признает советскую власть, но даже всеми силами защищает ее. Это, все не-«русские» возстают и ведут борьбу как могут... «Русские» же, разные Нечаевы и Ткачевы, подавляют эти возстания.

«Возстание 1932 г. на Чечне и Кубани, из которого мы с сыном едва ноги живьем уво-

*) M-lle Bertillon faisait hier chez la vicomtesse Curial, le savoureux récit du voyage qu'elle vient de faire en Russie... La jeune conférencière évoque certaines rencontres avec les géorgiens, des ukrainiens, leur haine farouche de l'U. R. S. S., qui les tient en esclavage. Un jeune géorgien la supplie, rentrée en France de demander que l'on fasse une tentative pour les libérer. Il n'en est pas un seul qui ne donnerait sa vie avec joie pour reconquérir la liberté», — «Journal des Débats 6. VI. 1935. Я нарочно привожу этот текст из Журнал де Деба, чтобы читатель заметил добавленные Возрождением слова: «с представителями других национальностей».

Я нарочито привожу этот текст из «Журнал де Деба, чтобы читатель заметил добавленные «Возрождением» слова: «с представителями других национальностей».

локли, было ликвидировано на, так сказать, реконструктивных началах: тридцать два бомбовоза с газовыми бомбами. Красный летчик, рассказывавший мне в вагоне, — и не без некоторой профессиональной гордости, — некоторые подробности этой реконструктивной операции, сказал: — Вот это работа!... Не то, что людей, — баранов — и тех не осталось!» И. Солоневич — «Последние Новости»... Исторический подвиг России и ее величие не в захватах и завоеваниях, а в установлении дружного сожительства с многочисленными народностями, живущими на ее территории... зазубривают молодо-россы.

Возьмите карту бывшей Российской Империи и начните отмечать на ней все те пункты, где происходили в течении всех 17 последних лет возстания, где население оказывает постоянное сопротивление большевикам и вы увидите, что обруженная вашими пометками окажется территория Великороссии в границах «древнего», выражаясь по «русски» Московского царства. В то же время вы заметите, что территории покрытые на этой карте ва-

шими пометками соответствуют возникшим в 1917-1918 гг. новым государственным образованием: Белоруссия, Украина, Казачьи области, Сев. Кавказ, Азербейджан, Грузия, Армения и т. д. Проведите, наконец, карандашом, по общей с Великороссией и этими государственными новообразованиями, границе, линию и вы получите расположение противобольшевических сил на фронте 1918 г. Разветвления и островки оставшиеся без ваших пометок вне пределов Великороссии соответствуют местам, заселенным все теми же великороссами. А потому позволю себе закончить словами проф. Бутько, приведенными И. Солоневич в «Последних Новостях» от 22.У.1.35: «Все вы, мескалы, империалисты: и большевики, и меньшевики и монархисты, и кто его знает, кто еще... Для нас ваши кацапы хуже татарского нашествия... Нет, с Москвой своей судьбы мы связать не хотим. Слишком дорого стоит... Нет, России с нас хватит. У нас... теперь уже и песен не спевают. А наш парод — кто в Сибири, кто в лагерях, кто на том свете»...

Вахтанг Карелели.

В единении наша победа

(1917 — 1935)

Современная идея общего боевого фронта угнетенных национальностей СССР отнюдь не представляет собою совершенно нового явления в истории национально-освободительных движений различных народностей бывшей московской империи.

Ее корни таились еще в глубинах перво-

бытного и неуничтожаемого национального своеобразия отдельных народностей, крепки и разрослись в их национальном самосознании, в их идеалах национальной государственности, как единственно мыслимой формы национального бытия и всестороннего национального развития. В великой кузнице истории под страш-

ными ударами общей судьбы векового национального порабощения, унижения и эксплуатации постепенно выковывалась она в идею совместной борьбы угнетенных против общего угнетателя. Нужен был лишь могучий штурм, чтобы освободить эту животворящую идею из под пепла и шлака исторической кузницы!

Поэтому нет ничего неожиданного и удивительного в том, что возникновение идеи общенационального фронта относится к эпохе февральской революции 1917 года.

Расшатавши в процессе своего бурного развития все без исключения давно уже прогнившие устои московской державы, революция 1917 г. с самого первого дня стала исходной точкой величайших в истории человечества, невиданных по своему размаху и глубине, национально-освободительных движений среди всех поработанных народностей и областей этого, казалось, несокрушимого монолитного «русского» колосса.

Величайшая в мире «тюрьма народов» дала неисправимые трещины и обвалы.

Единство «русского» народа и языка оказалось бесплотным и бездушным призраком!

Колесо исторического развития сделало свой первый оборот. Поляки, украинцы, грузины, горцы Сев. Кавказа, финны, татары, турки, литовцы, латыши, эстонцы — все поработанные Москвой народы пришли в движение. Нации-рабы, принужденные служить материально и духовно господствующему в государстве народу русскому, как бы внезапно превратились в самостоятельные и самодовлеющие национальные организмы, проникнутые могучим стремлением жить для себя, творить свою самобытную жизнь на незыблемых основах своего национального духа, своей родной земли, своих исторических традиций.

Всякое национальное движение по своему

содержанию и по своим тенденциям всегда является универсальным и интегральным. Оно стремится охватить все многообразие народной жизни, все без исключения проявления национальной самодеятельности, подчинить все служению великой идее национального возрождения.

Армия и администрация, школа и наука, религия и церковь, народное хозяйство и кооперация, театр и искусство — все в процессе революции 1917 г. принимает национальный облик, все должно «национализироваться».

Так политическая революция 1917 г. превратилась в многочисленные национальные революции. Национальный вопрос, объективно являвшийся всегда одним из самых жгучих и первостепенных вопросов в многоплеменном московском государстве заслонил собою все остальные проблемы, поставленные в порядок дня февральской революцией. Так сбылось вещее пророчество одного из талантливейших русских журналистов, К. Леонтьева, который еще в 70-х г.г. 19 столетия отчетливо предвидел глубокую внутреннюю связь между политической революцией и национальной проблемой в России.

Необыкновенно быстрое, лавинообразное развитие национальных движений требовало разумной и смелой национальной политики со стороны государственной власти, угрожая в противном случае полным распадом государственного организма.

Но для решения такой грандиозной проблемы у державного «русского» народа не оказалось ни творческих сил, ни, главное, искреннего желания. Во главе огромного государства февральская революция поставила Временное Правительство.

Это так называемое «революционно-демократическое» правительство было захвачено врасплох национальными революциями. Разди-

раемое внутренними и непримиримыми противоречиями между входящими в его состав коалиционными партиями и потому бессильное внутри и вовне, это правительство пустых и громких фраз проявило себя в национальном вопросе не только беспомощным, но и контрреволюционным и даже реакционным. Оно испугалось грандиозности национальных революций и размера задач национальной политики. Единственной руководящей идеей в национальном вопросе у этого сброда демагогических болтунов был страх перед распадом русского государства, да стремление сохранить привилегированное положение русского народа. Признавая на словах «право каждой нации на самоопределение», оно на деле стремилось исключительно к тому, чтобы всякое волеизъявление самоопределяющихся наций подавить в корне или, по меньшей мере, свести к пустякам. Как во всем, так и в национальном вопросе оно не в состоянии было играть руководящей роли, предупреждать события. Оно плелось в хвосте, уступая лишь силе и мощности национальных движений.

Но будучи вынуждено делать те или иные уступки отдельным национальностям, оно одновременно пыталось, опираясь на русские политические партии и пользуясь русским бюрократическим аппаратом, сделать все национальные завоевания иллюзорными. Таким образом, оно вело двуличную национальную политику, которая сеяла среди всех национальностей лишь семена раздражения и недоверия ко всему русскому, к русским партиям, к русской «революционной демократии», к русскому государству и даже к русскому народу.

В такой политической атмосфере естественно и неизбежно было возникновение идеи совместной защиты «приобретенных прав» против русского шовинизма, идеи образования единого оборонительного и наступательного

фронта возродившихся к новой жизни национальностей.

Среди многочисленных народностей России едва ли не сильнее всех испытала на себе не только гнет царей, но и вероломную политику Временного Правительства Украина. И для историка и для политика, поэтому, не должно быть ничего удивительного в том, что идея объединенного национального фронта родилась и оформилась впервые именно среди украинского народа.

Украинская Центральная Рада, этот своеобразный парламент, образовавшийся не только самопроизвольно, но и вопреки упорному сопротивлению Временного Правительства, уже спустя несколько месяцев после свержения старого строя пришла к сознанию необходимости согласования национальных движений, координации национально-освободительной борьбы.

С этой целью Центральная Рада решила созвать в Киеве съезд представителей народов и областей, «стремящихся к федеративному переустройству российской республики».

Этот конгресс, состоявшийся в начале сентября 1917 г., имеет глубокое принципиальное значение в истории национальных движений Вост. Европы. Но неизмеримо большая роль, несомненно, будет принадлежать идее, положенной в основу работ съезда, во всей дальнейшей освободительной борьбе всех наций, изнывающих в настоящее время под тягчайшим гнетом красной Москвы.

Поэтому, мы позволим себе несколько подробнее ознакомить наших читателей с этим, по всей вероятности, уже позабытым конгрессом.

На предложение Центральной Рады принять участие в съезде откликнулись 12 народностей и областей и русская партия социалстов-революционеров. Даже Временное Прави-

тельство послало на этот съезд своего представителя-наблюдателя, г. М. Славинского.

На съезд съехалось 93 делегата. В президиум вошли: украинцы Председатель Украинской Центральной Рады, проф. С. Грушевский, избранный на первом заседании съезда его почетным председателем, М. Любинский, А. Писоцкий и М. Шраг, грузин И. Бараташвили, татарин А. Сеттаров, турк Ш. Рустамбей, литвыш К. Бахман, эстонец А. Юргенштейн, литовец В. Бельский, белорусс П. Краковский, казак А. Долгов, молдованин Н. Чижевский и пр.

Свои работы съезд начал 8/21, а закончил 15/28 сентября 1917 года.

На своих заседаниях съезд рассмотрел целый ряд животрепещущих вопросов: 1) О федеративном строе российской республики; 2) О национально-персональной автономии; 3) О белоруссах; 4) О казачестве; 5) О Латвии; 6) О литовском вопросе; 7) Об общефедеративном языке и языках краевых; 8) О текущем моменте; 9) О мирной конференции; 10) О Совете национальностей; 11) Об Учредительном Собрании и 12) О Совете народов.

Не имея возможности — за недостатком места — воспроизвести, все или хотя бы даже главнейшие постановления съезда, проливающие яркий свет на развитие национально-политического сознания освобожденных народностей, мы считаем однако необходимым вкратце подвести идейные итоги этого первого Международного Конвента.

Красочнейшей мыслью, наложившей отпечаток на все постановления съезда, безспорно, являлся принцип неограниченного права каждой нации на самоопределение. Ни одной нации не может быть отказано в осуществлении этого права. Его границы могут быть установлены исключительно свободным волеизъявлением каждой отдельной нации.

Исходя из этого принципа, съезд признал за каждой из входящих в состав московского государства национальностей право на государственное бытие. В образовании таких государственных единиц, по мнению съезда, заключался единственно-прочный способ разрешения национального вопроса, как вопроса о свободном и всестороннем развитии всех сил каждого отдельного народа. Поэтому, признавая в то время необходимым и безотлагательным преобразование централистического московского государства в федеративное, съезд требовал федерации, построенной на национальной основе, в которую, следовательно, в качестве ее членов входили бы государственные организованные нации.

С этой точки зрения совершенно последовательным было единогласно принятое постановление съезда, чтобы «независимо от созыва «Всероссийского Учредительного Собрания» были созданы отдельными народами Национальные Учредительные Собрания. Эти Собрания — и только они одни! — должны были установить конституции отдельных «национальных государств, с одной стороны, и правовые взаимоотношения между ними и Союзом, с другой.

Стоя на точке зрения полного равноправия всех входящих в состав федерации национальностей, съезд решительно отвергал доминирующее положение русского языка, отводя ему лишь весьма скромную роль орудия сношений как между центральными органами Союза и центральными учреждениями национальных членов его, так и между центральными органами федеративных единиц между собою.

Насколько глубоко все постановления съезда были проникнуты национальными принципами, показывает резолюция по вопросу о мирной конференции.

Исходя из того положения, что мировая конференция должна протекать под лозунгом права всех наций на самоопределение, с одной стороны, и что «при установлении новых государственных границ заинтересованные народы не должны быть разделяемы или переступаемы без их воли одним государством другому», с другой, съезд требовал, чтобы в делегацию России на мировую конференцию были включены и представители наций, заинтересованных в установлении новых государственных границ.

Таковы главнейшие политические постулаты этого исторического конгресса.

Но съезд не ограничился одной лишь декларацией национальных требований. Он потребовал от Временного Правительства немедленного осуществления всех своих постановлений. С этой целью он принял резолюцию о необходимости образовать при правительстве особый орган для защиты интересов всех наций, населяющих Россию, — Совет Национальностей.

Вместе с тем, не полагаясь на благожелательное отношение Временного Правительства к национальным требованиям, съезд, в особом постановлении решил учредить для разработки и планомерного осуществления этих требований свой орган с очень широкими задачами и полномочиями, — Совет Народов.

Местопребыванием Совета должен был быть Киев.

15/28 сентября съезд закрылся. Его члены, вдохновленные единомыслием в национальном вопросе и ободренные образованием общего национального фронта, разъехались по домам, чтобы с удвоенной энергией отдаться служению родине.

А между тем, в Великороссии революция вступала в новую стадию. Между измученным войной населением, жаждущим мира и решительных социально-экономических и политических реформ, и правительством, неспособным вообще ни к каким решительным действиям, разгорался острый конфликт. Выразителем недовольства широких масс стали большевики. Таким образом, конфликт превратился в единоборство между Временным Правительством и партией Ленина.

Большевики победили. Приведенное революционным народом к власти через парадные подъезды правительственных дворцов, Временное Правительство при первом натиске красной гвардии покинуло эти дворцы через черный ход. Захват большевиками власти в Петербурге стал сигналом гражданской войны. В течение весьма короткого времени в Великой России партия Ленина пришла к полной победе.

(Продолжение следует)

Микола Порш.

БОЛЬШАЯ ПОТЕРЯ

В конце ноября минувшего 1935 года в Тегеране на 65 году жизни скончался очень большой иранский патриот — Мирза Хасан хан Муширудовле.

По окончании Московского кадетского

корпуса в 1894 году покойный решил поступить на юридический факультет и стал брать уроки по древним, латинскому и греческому, языкам у проф. Корша и через 5 месяцев, блестяще сдав экзамен по этим языкам,

поступил на первый курс юридического факультета Московского университета, каковой курс окончил по первому разряду в 1898 году. Все четыре года университетской жизни покойный безвыездно оставался в Москве, изучая в летнее время французский и немецкий языки, которыми ко времени окончания университета, владел очень хорошо. Вдобавок он занимался музыкой и прекрасно играл на рояле. Несмотря на молодость и на красивую наружность, он оставался глух к соблазнам большого города и все свое время отдавал научным занятиям и накоплению знаний. Особый интерес он проявлял к международному праву. В то время на 4 курсе юридического факультета, через каждые две недели студенты представляли рефераты на заданные темы к концу учебного года перед государственными экзаменами. Когда покойный Мирза Хасан хан представил и защищал свой последний реферат, проф. граф Комаровский благодарил его и обращаясь к аудитории сказал: за целый год здесь было прочитано 16 рефератов, из коих 9 представил один перс, а 7 остальных рефератов, написали они, 360 русских студентов; отмечая выдающиеся способности вашего коллеги Мирза Хасан хана, я не сомневаюсь, что в будущем в его лице мы будем иметь выдающегося дипломата с солидными образованием и знаниями. Профессор Комаровский не ошибся; по окончании университета покойный Мирза Хасан хан был назначен сначала вице-директором, а вскоре и директором канцелярии иранского министерства иностранных дел, в каковой должности в течение трех лет он перевел с русского и французского языков много научных трудов по международному праву и ввел новые порядки в родном министерстве по европейскому образцу. По его инициативе был открыт дипломатический институт подготовки чинов министерства иностранных дел. Покой-

ный в первое время сам преподавал в этом институте международное право.

Через три года, имея всего 29 лет от роду, он был назначен на пост посланника при Российском Дворе на место Мирза Риза хана Арфаудовле переведенного на пост посла в Стамбул. Будучи самым молодым посланником в Петербурге, покойный пользовался большой симпатией, как своих коллег, так и русского правительства.

Иранское правительство отдавало должное талантливой дипломатической работе своего представителя и через 6 лет вызвало Мирза Хасан хана из Петербурга и назначило его министром иностранных дел; не легка была в ту пору выпавшая на долю покойного большая ответственная работа. Впоследствии ему еще три раза пришлось быть руководителем внешней политики и четыре раза премьером Ирана. В последний раз Мирза Хасан хан Мушридовле был драомат (премьером) в 1921-1923 гг. затем ушел на покой. Последние годы жизни он посвятил большому своему труду «История Ирана». К сожалению он успел написать только три тома, а четвертый том так и не докончил. Покойный беззаветно любил свою родину и всю жизнь отдал на служение Ирану; кроме министерства иностранных дел, он поставил на должную высоту и все прочие министерства Ирана, в особенности министерство юстиции, открыв для подготовки чинов последнего, юридический факультет при Тегеранском университете.

За неделю перед смертью, как пишут персидские газеты, он собрал членов своей семьи и объявил им, что он эту зиму не переживет, ибо дошел до возраста когда умер его отец (тоже бывший министр иностранных дел Ирана) и пожелал в последний раз сняться в общей группе с семьей, чтобы оставить на память потомству последнюю фотографию свою, в

кругу любимой семьи, которую он покидал навеки...

Иранцы достойно отметили заслуги своего соотечественника и устроили покойному Хасан хану пышные похороны, на которых уча-

ствовали десятки тысяч людей.

Мир праху твоему, дорогой незабвенный друг, Мирза Хасан хан!

Абдулла-Али.

Истамбул, 23 декабря 1935.

Февральское восстание в Армении

Ровно 15 лет тому назад, 18-го февраля 1921 г., всенародным восстанием и силой оружия, в Армении была свергнута советская власть. Двух с половиной месячного владычества большевиков было достаточно, чтобы армянский народ сделал надлежащие выводы. Близкое соприкосновение с большевиками показало, что советская власть не только чужда армянскому духу и чаяниям, но и является властью грабежа и насилия и отрицанием вековых моральных устоев и бытовых традиций армянского народа. 18-го февраля 1921 года вся Армения как один человек возстала против северных узурпаторов и целых пять месяцев героически отстаивала свою честь и свободу.

Какие события предшествовали этому историческому акту?

В начале сентября 1920 года началась армяно-турецкая война. Воспользовавшись затруднительным положением Армении меньшевистская Грузия со своей стороны захватила Лорийский район и армянское командование принуждено было выделить некоторое количество войск для охраны грузинской границы. С другой стороны красная армия каждую минуту угрожала вторгнуться в пределы Армении из советского Азербейджана и надо было охранять так же азербейджанскую границу.

Вдобавок ко всему этому, нагорная часть Армении (Зангезуры) и Нахичевань оккупированы были красной армией и считалось необходимым удержать распространение советов на остальную территорию страны. Измученная и обезсиленная непрерывными войнами, отрезанная от моря и внешнего мира, отвергнутая своими соседями, страна, разоренная и бедная, с миллионным населением, включая 50.000 сирот и 200.000 беженцев, турецких армян, принуждена была вести борьбу на шести фронтах (варский, сурмалинский, лорийский, казахский, шарурский и зангезурский). Несмотря на все это, армянский народ с честью и героизмом защищался до последних сил и сложил оружие только тогда, когда стиснутый со всех сторон, оказался под угрозой физического истребления.

Победоносная турецкая армия, захватив Карс и Александрополь, грозным ультиматумом заставила 2-го декабря подписать тяжкий и унижительный во всех отношениях для Армении мир. Теперь уже не подлежит сомнению, что турецкое нашествие было подготовлено и начато не только с согласия, но и с помощью Москвы. Армения стала одной из жертв восточной политики ленинской России и турки только с оружием в руках восстановили приняты большевиками в Брест-Литовске границы.

После победы своей союзницы Турции, красная армия 29-го ноября перешла армянскую границу и захватила Казахский район. В это же самое время новообразованное правительство Врацьяна в Эривани вело переговоры с полномочным представителем советской России Лиграном. На следующий день после вторжения красных в пределы Армении, Лигран ультимативно потребовал советизации страны. Лишившись возможности противиться силой, правительство Врацьяна пошло на уступки и 2-го декабря был подписан следующий договор между Лиграном и представителями республиканского правительства Армении:

1. Армения объявляется независимой советской социалистической республикой.

2. До созыва съезда советов, полнота власти в Армении переходит в руки временного ревкома.

3. Советское правительство России соглашается, чтобы в территорию ССР Армении безспору были включены: Эриванская губерния, со всеми уездами, та часть Карской области, которая обезпечивает стратегически железнодорожную линию от станции Джаджур до ст. Аракс, Зангезурский уезд и часть Казахского уезда и та часть Тифлисской губернии, которая принадлежала Армении до 28 сентября 1920 года.

4. Командный состав армянской армии не привлекается к ответственности за те действия, которые исполнял до объявления советской власти в Армении.

5. Члены партии Дашнакцутюн, как и партии Соц. Революционеры и Соц. Демократов не подвергаются преследованию за принадлежность к этим партиям и за участие в той борьбе, которая велась против большевиков до советизации Армении.

6. В ревком входят пять членов от ком-

мунистической партии и двое левых дашнакцаканов, по соглашению с компартией.

7. Советское правительство России принимает меры к сосредоточению в ССР Армении необходимого для защиты ее количества войск.

8. После подписания сего договора, республиканское правительство Армении отказывается от власти. До прибытия ревкома, временно власть переходит к командованию армией, во главе которой становится Дро. Комиссаром войск от РСФСР назначается гов. Сялин.

Через три дня после подписания договора, в Эривань прибывает назначенный в Баку ревком во главе с Касьяном. Конечно, коалиционное начало правления не было соблюдено и с первых же дней большевики воспринимают Армению не как вверенную в их руки страну, а смотрят на нее как на завоеванную территорию и враждебный стан и дают разгул своим низким и зверским инстинктам. Первым делом ревком обезглавливает армию и обманым путем арестовывает офицерство, в количестве 1.500 человек, во главе с известными генералами Назарбекяном, Силикяном, Ахвердяном и другими. В зимнюю стужу их пешком уводят в Баку, а оттуда в Россию. Туда же отправляют в ссылку Дро с его ближайшими соратниками. Начинаются реквизиции и конфискации, арестовывают всех, кто попадет в руки, а в подвалах чека действует русский тонор. Но лучше, чтобы обо всем этом рассказали сами большевики.

Перед нами книга известного большевика Борьяна: «Армения, международная дипломатия и СССР», изданная Госиздатом в Москве в 1929 г. Вот что пишет большевицкий историк о политике ревкома в Армении до февральского восстания.

«Очевидно, опыт и уроки истории совет-

ской России для ревкома не имели достаточного веса или не были известны. Ревком вступил на путь безоглядной и решительной реквизиции и конфискации, без разбора и без классового принципа, без учета общего экономического положения крестьянства и его психологического состояния. Реквизиция вместе с тем проходила неорганизованно, не имела планомерного, революционно-классового характера и сопровождалась применением ненужных репрессий. Без организованного и дисциплинированного аппарата, без предварительной агитационной подготовки и учета специфических условий страны, ревком бросает лозунг: реквизировать и конфисковать продовольствие в городах у частных лиц и хлебные запасы у крестьян. Безсистемные реквизиции, конфискации решительно всего: военной одежды, густарных, частных и другого вида пестов (орудия для толчения чалтыка — неочищенного риса), мельниц, без разбора, домашней обстановки горожан, без различия их классового состояния и т. п., разумеется, были мероприятиями совершенно неклассового характера и проявлением непонимания и незнания советской политики и коммунистической классовой идеологии.

Ревком и другие власти Армении не установили нормы для лица и его семьи не только при реквизиции и конфискации, применяемой в виде наказания, но и при обычных конфискациях; они не выяснили, какие именно вещи, продукты и пр. и в каком количестве не подлежат конфискации, они конфисковали все, что находили и что могли конфисковать.

Благодаря слабости государственного аппарата, отсутствию организационных мер и дисциплины в столице Эривани и в провинциях красноармейцы самочинно и самозволично конфисковали продовольственные продукты у

населения. Были взяты в учет: музыкальные инструменты, библиотеки частных лиц, дрова и прочие материалы топлива, вплоть до занавесов у крестьян, с извещением, что они могут быть употреблены на нужды государства, национализированы все воды, вплоть до «родников».

Этот довольно поверхностный перечень фактов, которые получили свое отражение в декретах и приказах властей, дает объяснение причинам народного восстания в Армении.

Здесь мы имеем дело не с капиталистами и не с помещиками, а с крестьянством, пролетариатом и с сиротской и беженской массой Армении.

Нам нечего прибавить к сказанному. Пзуверства и разгул большевиков еще усилились с прибытием в Армению известного кровопийцы-чехиста Атарбекова. Все интеллигенты, военные, партизаны и антибольшевечские элементы, которые не имели возможности удалиться из пределов Армении или скрыться, были арестованы. Все бывшие министры — в том числе Качазнун и Оганджаниян, бывшие члены парламента с председателем Саакияном, писатели, учителя, чиновники, оставшиеся офицеры, дружинники, студенты, рабочие и масса крестьян томилась в подвалах чека и над их головами сверкала смертоносный топор психически больного Атарбекова. В одной только Эривани находились под арестом свыше двух с половиной тысяч человек. Та же картина была и в провинциях. Жутко делается при мысли, чем бы все это кончилось, если бы не вспыхнуло восстание 18-го февраля...

Присутствие турок на границах привуждало кое как удерживать взрыв народного гнева. Но когда уже начались бессудные расстрелы и большевики награбленное имущество стали вывозить в Россию, тогда уж негодованию армян не было предела и партии Дашнакцутюн

оставалось только возглавить всенародное движение и придать возмущению организованный характер. Движением из своего убежища руководил член бюро партии и последний глава республиканского правительства Врациан. Надо подчеркнуть, что не смотря на все имевшиеся в его распоряжении легальные и нелегальные возможности оставить Армению, Врациан остался на своем посту до конца и к своей чести исполнил свою роль руководителя блестяще.

Несмотря на суровую зиму и глубокий снег, возмущение началось 14-го февраля, а 18-го столица Эривань уже находилась в руках повстанцев. Движение началось одновременно во всех районах, а жители столицы не дожидаясь внешней помощи, в ночь с 17-го на 18-е, собственными силами захватили город. В тот же день в Эривань подоспели так же районные повстанцы. Ликование народа не поддается описанию. Все арестованные были освобождены и из тюрем вынесены на плечах. Люди на улицах от радости плакали, знакомые и незнакомые обнимались и целовались, всюду гремела музыка и слышен был народный гимн, на всех перекрестках организовывались митинги и громкое «ура» оповещало о готовности всех до последней возможности защищать свободу и независимость. Музыка и пение вторили пушечная трескотня и ружейные залпы: повстанцы преследовали удирающий ревком и красноармейцев.

Вообще ликование было омрачено присутствием полсотни гробов — разставленных у комендатуры — в них покоились изрубленные топором трупы представителей всех категорий населения Армении. Перед уходом большевики совершили все таки свое гнусное дело. Жертвами чекистов пали известный партизан Амазасп, храбрый офицер полковник Карганян, рабочий Серго и много других, ко-

торые всю свою жизнь посвятили своему народу и многие из которых не раз скитались по царским и Султан Гамидовским тюрьмам. Не мало доблестных сынов Армении были разстреляны и в провинциальных застенках.

Ревком Армении, захватив имевшиеся два бронепоезда, массу военного снаряжения и съестных припасов, с партийцами и верными частями укатил в Нахичевань.

Началась героическая борьба армянского народа с советской Россией.

Большевики укрепились на севере на Семеновском и Башабаранском перевалах, а на юге под прикрытием бронепоездов в Шарур-Нахичеванских степях. Несмотря на наличие двух бронепоездов, южный фронт не представлял особой опасности. Хотя на подмогу ревкому пришли осевшие в Нахичевани красные отряды, но все их попытки завладеть столицей, потерпели неудачу. В конце марта южный фронт не проявлял никакой активности и большевики, как битые собаки, плелись по Шарурским равнинам. Но до этого, каждый раз когда им удавалось вторгнуться в Камарлинский район, сотни невинных крестьян становились жертвами бессильной красной злобы.

Иначе обстояло дело на северных фронтах. После советизации Грузии, Ордженикидзе направляет большие силы красной армии в сторону Армении. Превосходящая сила большевиков дает себя чувствовать на севере и повстанцы начинают медленно отступать, храбро и жертвенно отстаивая каждую пядь родной земли. После занятия красной армией Хадисом (возвышенность в 15 километрах на севере от Эривани), судьба столицы была предreshена. 2-го апреля Эривань пала.

По изгнании большевиков из столицы, власть перешла в руки «Комитета Спасения Родины» во главе с Врацианом. Главнокомандующим повстанческими силами был назначен

молодой бравый полковник Куро Тарханян. Весь народ сплотился вокруг К. С. Родины и ни в чем не отказывал съему правительству. В обороне страны участвовали все: дети, старики, женщины, а кто умел держать в руках ружье, с собственным снаряжением и запасом продовольствия добровольно отправлялся на фронт. Можно сказать, что тыла не существовало. Все считали себя мобилизованными. В нашем отряде героически дрались два старика: 65 и 70 лет. Не малое количество 15-16-летних мальчиков можно было встретить в ледяных окопах. Продовольственной и санитарной частью ведали женщины и ученицы. Бывшие председатели кабинета и парламента Качазунни, Оганджянн, Саакян, Шант, — неотлучно находились в действующих отрядах. Без исключения все партии: Соц. Революционеры, Соц. Демократы, Народная Партия, Либер. Демократическая Партия, Гнчакисты не только способствовали работе правительства, но и грудью защищали страну. Соц. Революционеры имели своих представителей в правительстве (Минахорян и лидер партии Хондкарян). На протяжении многих веков история Армении не знает такой спайки.

Когда красная армия завяла Эривань, она была ошеломлена первым впечатлением: кроме женщин, детей и стариков больше никого не нашли в городе. Даже раненые из больниц присоединились к отступающим. А те, кто не могли удалиться, скрылись в убежищах. Не мало были удивлены русские еще тогда, когда узнали, что из пленных и арестованных большевиков никто не пострадал. А их было свыше тысячи человек. Так великодушно ответили повстанцы на зверства самих большевиков.

Отступающие повстанцы — около двадцати тысяч — остановились на несколько дней

в 25 верстах от столицы в Шаш Гяры и дали еще одно генеральное сражение красной армии и обеспечив таким образом тыл, через неимоверно трудный Миллийский перевал пробрались в Даралагаз и оттуда с местными повстанцами отошли в Зангезуры.

Еще в октябре 1920 года зангезурцы сбросили большевизское иго. Генерал Наде с кучкой верных соратников поднял восстание и истребив несколько тысяч красноармейцев, освободил край. Редким удалось спастись и после этого одно имя генерала Надеха приводило в трепет большевиков. Между прочим, Наде на голову разбил известную «железную» конную дивизию Курышянина. Сам начальник дивизии пал в бою.

Из Зангезура свыше десяти тысяч повстанцев перешли через Аракс в гостеприимный Иран. Повстанческие войска были приведены в боевую готовность и с отрядами Наде в конце июня повели контр-наступление и после жестоких боев захватили Даралагятский район. Два красных полка сдались в плен, а красная конница поголовно была истреблена в бою. Несмотря на эти удачи, решено было остановить наступление. При отсутствии военных припасов, снаряжения и продовольствия, повстанцы сознавали, что не в состоянии одними своими силами бороться против России. Началось общее отступление и в середине июля последние части повстанцев, во главе с генералом Наде и полковником Тарханяном перешли Аракс.

Армянское восстание сыграло свою историческую роль...

Народ, который способен на «18-е февраля», никогда не изменит идее свободы и независимости.

Ашот Арцруни.

Париж. 18 февраля.

Самоопределение Горцев, и в частности Осетин

Время от времени в Париже бывают публичные и печатные выступления некоторых горцев-одиночек, протескавшихся в разные русские великодержавные организации. В угоду ли этим организациям или по заблуждению, но эти одиночки пытаются создать в соответствующих русских кругах убеждение, что горцы Кавказа уже самоопределились раз, вольно или невольно, признав над собой власть российских императоров, и что о каком либо самоопределении сегодня уже речи не может быть. Эти «авторитетные» уверения, пужно заметить, никогда не были подтверждены никаким фактическим материалом из новейшей истории наших народов, а в особенности, совершенно обходят молчанием центробежные стремления наших народов после революции, которые систематически, и я бы сказал, методически, культивируются и развиваются на протяжении последних 20 лет. Обстоятельство это побудило редакцию «Кавказа» организовать доклад, не с целью возразить этим отщепенцам своего народа, а дать картину подлинных настроений горцев со всей объективностью, документированной, как фактами нашего прошлого, так и за последние 20 лет. Честь эту редакция «Кавказа» возложила на меня, и во исполнение этого поручения доклад мной был прочитан 16 декабря минувшего года. Ограниченный во времени, я не мог использовать всего фактического материала. Равным образом для сведения и наших читателей, не проживающих в Париже, мы решили воспроизвести этот доклад, дополнив его тем, что не было сказано с трибуны, за недостатком времени.

Не останавливаясь на этих страницах на тысячелетней истории горцев, пребывание ко-

торых на Кавказе, интересовавшиеся до сих пор ими ученые определяют в 5.000 лет, мы остановимся лишь на русской эпохе. Постараемся объективно изложить факты, на основании дошедших до нас документов. По случайному совпадению в качестве наших противников публично, и в печати до сих пор выступали 2-3 осетина, которым, положа руку на сердце, менее всего пристало говорить об осетинах и еще меньше о других горцах. Не колеблясь могу положительно утверждать, что из этих, подвизающихся на разных великодержавных русских фронтах, ни один решительно среди осетин не жил, а уж о каком либо их участии в общественно-политической жизни этого народа, совершенно не приходится говорить. Этим и объясняется скудость их аргументации, когда они в своих выступлениях говорят лишь о том, что с приходом русских на Кавказ наш народ научился и писать, и читать, и богатеть. Конечно, они забывают, что культура и цивилизация, к которой и осетины и другие горцы приобщились, совсем не русского происхождения. Совершенно естественно, что она нам передавалась транзитом через Россию. Насчет полезности и выгоды этого транзита можно быть разного мнения. Я полагаю, что великим несчастьем для народов Кавказа было то, что европейская культура вследствие исторически сложившихся обстоятельств, направилась к нам транзитом через Россию...

Теперь уже не может быть двух мнений о природе большевизма. Это — чисто русское явление, совершенно не годное для экспорта в другие страны. Это поняли даже сами большевики. Радоваться стало быть нечему, если евро-

пейская культура проникала к нам транзитом через Россию. Об этом следует сожалеть, как о величайшем историческом несчастье для Кавказа и пока денационализировавшиеся элементы срдца нас являются одиночками, мы должны усилить нашу борьбу за дело освобождения Кавказа, чтобы остановить влияние на нас русского нигилизма во всех его видах.

Денационализировавшиеся элементы, откровенно выявившие себя в Париже, оказались осетинами, говорят они преимущественно об осетинах, и потому я позволяю себе в нескольких словах напомнить им о славном прошлом их ныне маленького народа, которому они усиленно рекомендуют поскорее ассимилироваться и слиться в русское безбрежное море.

Не так еще давно, а именно в X, XI и XII веках осетинское царство достигло высокой степени культурного и государственного расцвета. Профессор Вутков в своих «материалах для новой истории Кавказа», а за ним и всем нам хорошо известный проф. Миллер говорят, что в эти указанные века Осетия была централизованным государством, представляемым царями в современном значении этого слова, с царским родом которого роднились и поддерживали дипломатические сношения киевские князья, Абхазия, Грузия и Византия. Что же касается Грузии, то она знает осетин буквально с того момента, с которого начинается история самой Грузии. Грузии же осетины дали и ряд выдающихся полководцев.

Трудно, конечно, сказать, как развивались бы народы Кавказа, если бы, после перенесенных испытаний от всякого рода восточных нашествий, не начался на них натиск со стороны России. Проникновение западной цивилизации на Кавказ от этого конечно не затормозилось бы, как это думают наши великодержавники. Начало продвижения России на Кавказ следует отнести к 16 веку, к эпохе царя Ива-

на Грозного. До этого, лишь торговые люди, направлявшиеся в Персию и др. страны Востока, проходили через Кавказ. Обстоятельство, которое дало Ивану Грозному возможность зацепиться одной ногой за Северо-Кавказскую территорию случилась следующим образом.

Властельный князь кабарды Темрюк, имея широкие планы создать единое северокавказское государство, наткнулся, выражаясь современным языком, на упрямый национализм дагестанцев и ногайцев. Пользуясь этими внутренними неурядицами крымский хан стал учащать свои нападения на территорию князя Темрюка. Тогда Темрюк обратился за помощью к Ивану Грозному, обещав за это ему обезпечить благополучный транзит московских «торговых людей» и их товаров. Царь Иван Грозный, давно мечтавший о развитии для московского царства этих торговых сношений ухватился за предложение сделанное ему Темрюком и согласился отправить в распоряжение последнего 1.000 стрельцов с тем однако условием, чтобы Темрюк позволил ему создать на пути следования купцов «маленькую» крепость, где купцы могли бы останавливаться и на «ночлег». Это условие Темрюк принял и союз между московским царством и Кабардой*) был заключен как между двумя равными сторонами и таким образом была создана крепость Терки. А для того, чтобы окончательно усыпить бдительность Темрюка, Иван Грозный 20 августа 1561 года женился на его дочери Марии. Иван Грозный оказался союзником далеко не честным. Едва подписав союзный договор и женившись на дочери Темрюка, Иван Грозный дал своему послу при дворе Темрю-

*) Кабардой тогда называлось государство, объединявшее под властью Темрюка все горские племена, за исключением Дагестана и горной Чечни.

ка такую инструкцию: «Объединенные горские народы могут обернуться против Москвы, поэтому «кабардинских князей развести и между ними учинить рознь и от их бы приходу тем обещать государев город Терки»**). С этого момента и до наших дней мысли Ивана Грозного систематически и методически проводились, не только среди горцев, но и по отношению всего Кавказа. Русские послы при Кабардинском дворе энергично сеяли интриги между горскими народами, сеяли рознь, широко применяя и подкупы особенно неблагонадежных людей. Это облегчалось тем, что в те времена не существовало налоговой системы в современном значении этого слова. Госу-

дарственные налоги взимались в виде дани по приказу владетельного князя. В общем же горцы были свободны от всяких государственных повинностей. По тогдашним понятиям вообще, а по понятиям горским в особенности, обязанность платить дань почиталась серьезным ущемлением национального и личного достоинства. На этой почве русские представители и интриговали. Главная же их задача заключалась в том, чтобы сеять междуплеменную рознь. Внутренние распри, подогреваемые русскими эмиссарами, утихавшие на время, вновь вспыхивали. Но как только наступало относительно спокойствие, тревога охватывала русское правительство.

Тамбий Елекхоти.

(Продолжение следует)

**) Гос. архив. Кабар. дела.

Обзор печати

«УСАБЕР» ПО ПОВОДУ АРМЯНО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В январском «Обзоре Печати» мы поместили весьма любопытную статью центрального органа партии «Дашнакцутюн» в Америке «Айренина» о кавказских соседях Армении. Статья эта называлась: «Наши неисправимые соседи» и не отличалась особой благосклонностью ни к Азербейджану, ни к Грузии.

В целях объективности и дабы дать нашим читателям возможность полнее разобраться в армянских настроениях, порою довольно противоречивых даже в пределах руководящей партии «Дашнакцутюн», изысканной, как известно, организацией федеративного характера, мы сочли интересным привести многозначительную статью, появившуюся на ту же тему в газете «Усабер». Этот ежедневный орган, выходящий в Египте, в Александрии, пользу-

ется среди армян на всем Ближнем Востоке значительным влиянием и отражает, как говорят, взгляды наиболее ответственных кругов той же партии «Дашнакцутюн».

В номере от 22 ноября прошлого года «Усабер» напечатал передовую статью озаглавленную «Возврат к прошлому» (по поводу армяно-грузинских отношений). Приводим ее полностью:

Грузия — одна из наших соседей. В течение долгих веков родина наша раздроблялась, при чем часть ее недавно отошла к России. Вместе с нами стала добычей России и Грузия.

Благодаря этому географическому переделу впоследствии между нами и Грузией, создалось впечатление, будто бы последняя является соседкой не всей Армении, а лишь ее значительной части.

Два народа в течение долгих веков

шедшие рядом и разделяющие ту же участь, казалось разошлись душевно и стали сепаратно вести свои национальные дела.

Более непонятную историю, чем та, которую имели армянский и грузинский народы, трудно себе представить. Ибо история кажется не знает народов веками живущих бок о бок и почти что не воевавших друг с другом. А ведь наше мирное сожителство восходит к древнейшим векам. В нашей общей истории вернее отражаются внутренний смысл вековых отношений наших народностей чем в наши дни. Разделяя исторически ту же участь и будучи друзьями, в действительности мы разбединены, порою даже являемся соперниками. Если бы мы оставались верными преданиям нашей истории, совсем иначе должна была бы сложиться к сегодняшнему дню участь нашего и грузинского народов.

Не подлежит сомнению, что наши предки (армян и грузин) были лучшими дипломатами и обладали более широким политическим кругозором, чем мы. Они не были социалистами, но больше нас уважали чувства братства и дружбы. В смысле современном они не были пацифистами, но фактически жили веками бок о бок не проливая ни одной капли крови. Не имея никакого понятия о тех безконечных разновидностях политических пактов, которые мы видим теперь, они являлись более искренними союзниками, чем мы. Благодаря этим качествам, они оставили нам наши родины веками сохраненными ими, тогда как у нас нехватало силы защищать наши права идеавно.

Что было бы, если бы в те дни, когда судьба улыбалась нам, в 1917 г., мы

обладали чувствами той политической зрелости и взаимной преданности, какими обладали наши предки. С глубочайшей скорбью мы сознаем, что при наличии этой политической зрелости сегодня мы могли быть хозяевами наших земель и свободы. На той территории, где живут лишь армяне и грузины, более чем общие и нравы и история и культура и религия. А ведь общая и их участь. Если бы мы были объединены в исключительный период нашей истории — в памятные дни 1917 г., количественно умножив наши силы путем их сложения, мы смогли бы изменить их так же и качественно и диктовать нашу волю нашему окружению. Вместо подобного объединения мы согрешили против нашей истории и подняли оружие друг на друга. Разошлись, разбединились внутренне, этим облегчая дело общего врага и разнося по ветру приобретенную столь дорогой ценой нашу свободу.

В доме повешенного не говорят о веревке. Так и нам не хочется искать здесь виновного. Не желая однако говорить в общем, нельзя не промолвить хоть два слова о том грустном факте, что грузинский народ в лице меньшевизма в последний период своей истории не выдвинул достойного себе руководителя. Армяно-грузинское соглашение должно было спасти Закавказье, чего не поняли грузинские меньшевики, ничего не сделавшие в этом направлении. К этой истине они не обращаются и в эмиграции, где вознагражденным их многолетних усилий является одна разрушенная Грузия.

Ошибки и прегрешения уклоняют течение истории, но не могут менять ее сущности.

В тот день, когда мы снова преисполнимся глубокой мудростью наших предков, в истории наших двух народов откроется новая эра. Уже ли лишен смысла тот таинственный факт, что всякое наше объединение нам приносило радость и счастье, а разъединение — грусть и несчастье.

Мы были соединены и с другими, но никогда не чувствовали упомянутой радости; бывало — расходились, но без упомянутого чувства глубокой горечи.

Возвратимся же к прошлому.

Статья эта, как видят читатели, и тоном и содержанием очень отличается от цитированной в прошлом номере нашего журнала статьи «Айренника».

Правда «Усабер», хотя и с оговоркой, что «в доме повешенного о веревке не говорят», сказал несколько горьких слов по адресу грузинских меньшевиков, на которых и возложил, быть может и не совсем объективно, всю ответственность за те прискорбные столкновения, которые имели место между грузинами и армянами в недавнюю пору наших независимостей. Мы склонны думать, что было бы справедливее признать, что некоторая доза ответственности за то, что в исключительную для всех кавказских народов переломную эпоху, не был найден общий кавказский язык, падает, до некоторой степени и на армян и в частности на правившую партию «Дашнакцупюн».

Во всяком случае для кавказской политической общественности и для грузинской в частности очень интересна та уничтожающая оценка, которую дает меньшевистской партии и ее руководителям влиятельная армянская газета.

Настоящую статью «Усабера», зовущую к забвению старых ошибок и к восстановлению

исторического содружества и политического сотрудничества можно было бы всерьезно приветствовать, если бы, к сожалению, она не была обращена исключительно к грузинам, а адресовалась в одинаковой мере и к остальным кавказским народам. Мы не можем от души не пожалеть, что «Усабер» позабыл, что на Кавказе бок о бок с армянами и грузинами живут многие миллионы азербейджанцев и горцев Северного Кавказа.

Что должны испытывать, по мнению почтенного армянского органа азербейджанцы и горцы Сев. Кавказа, когда «Усабер» так горячо призывает грузин к сотрудничеству с армянами и скорбит о прошлых разногласиях заявляет, что если бы в 1917 году грузины и армяне были бы объединены то могли бы «диктовать свою волю» их окружению?

Политически мыслящие азербейджанцы и горцы достаточно хорошо знакомы и с общими демографическими условиями Кавказа и с собственной географией и экономикой. Знают они и о том бурном росте национального самосознания и культурных кадров, который имел место на родине за последние 18 лет и отдают себе точный отчет в удельном весе и реальном соотношении всех элементов, из которых складывается Кавказ. На будущее они могут смотреть совершенно спокойно и не бояться любителей «диктовать свою волю» из «Усабера»...

Но не совершает ли «Усабер» серьезную психологическую ошибку, когда на обращенные к Армении повторные призывы всей национальной эмиграции Азербейджана, Грузии и Сев. Кавказа принять участие в работе, направленной к созданию единой кавказской конфедерации — очевидно на базе абсолютно-го равенства и уважения взаимных прав — выдвигает идею армяно-грузинского блока.

Мы боимся, что люди склонные увлекаться этой идеей живут вне времен и простран-

ства и не отдают себе должного отчета во внутренних и внешних условиях Кавказа.

Игра затейная ими гораздо опаснее, чем они думают.

«СТАРАЯ ИНТРИГА»

В том же «Усабере» (ном. 171) под этим заголовком, помещена статья, посвященная отражению итало-абиссинского конфликта на жизни армян:

В итало-абиссинском конфликте, заявляет «Усабер», существуют обоюдные связанные интересы и боязни. Нас интересует в данном случае тяжелое положение армян, создавшееся вследствие мировых событий и советских интриг.

Как будто Москва перестала сеять рознь среди армянского рассеяния не старается больше сгруппировать вокруг себя все противодашнакцканские элементы. Скажем больше: она осторожно старается создать «общий» фронт, на сей раз уже не против нас, а вместе с нами направленный против «фашизма и международного империализма». Для достижения этой цели Кремль пытается поймать на свою удочку нашу партию. Так было всякий раз, когда угрожала опасность нашему северному врагу. Тогда он, забывая свою ненависть, к армянам, менял язык и под видом поддельного патриотизма старался привлечь армян в орбиту своей политики для того, чтобы выжать из наших вен добавочную кровь для России. Эта же старая интрига повторяется и сегодня по отношению к нашему легко-верящему народу».

Настоящая информация интересна в том отношении, что она косвенно подтверждает новыяшиеся в последнее время слухи о попытках

советской власти распространить идею «Единого Фронта», так блестяще осуществленную ею во Франции и в некоторых других европейских странах и на находящиеся за пределами досягаемости и потому своевременно неликвидированные, остатки социалистических партий СССР — в частности на грузинских меньшевиков.

«Усабер» свидетельствует, что соответствующие шаги делались и в отношении «Дашнакцукюна».

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ СЛОВАКИЯ БАЗА СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ

Словацкий совет, национальная словацкая организация, враждебная Чехословацкой республике и требующая воссоединения Словакии на автономных началах с Венгрией, обратился в январе текущего года к Лиге Наций с интересной докладной запиской, в которой обращает внимание Лиги, на тот факт, что в результате пакта, заключенного Чехословакией с СССР, Словакия сделалась базой советской авиации.

Вот несколько выдержек из этого ценного документа:

«Что бомбометная авиация СССР имеет свою базу в Словакии — это секрет Полишинеля. Никто однако об этом не говорит. Между тем, авиация эта действительно весьма основательно обосновалась в старой верхней Венгрии, т. е. в самом сердце Центральной Европы.

Чехословакия с поразительной быстротой подготавливает все необходимое для обслуживания советской авиации: поля для снижения аэропланов, подземные амгары, резервы горючего, запасы мин и т. д. Эта работа совершается в ускоренном порядке, в особенности в восточной

части республики — в Словакии, которая отделяет довоенную Венгрию от Польши. Постройка главного аэродрома для русских аппаратов в Ужгороде уже закончена. Другие еще строятся, например, в Мункачече, в Рогове, в Селе-Соловине, в Пистане, Вайноре, Тренчине: — коммунах, расположенных в Словакии и Прикарпатской Руси.

Лейт-мотивом чешской внешней политики является, что Чехословакия не может существовать, если она не сделается продолжением советской территории.

Принимая во внимание, что респуб-

лика Бенеша временно отделена от России Польшей (Восточной Галицией) она должна довольствоваться пока воздушной связью с ней. Но связь эта (наземная) уже реализована благодаря пособничеству румынской политики. Факты илацо. Советская республика располагает своими военными силами на словацкой территории, откуда она легко может достигнуть Берлина, Варшавы, Будапешта и Вены.

Достаточно бросить взгляд на европейскую карту, чтобы понять значение нахождения советской авиации в Словакии с точки зрения политической и стратегической...

ХРОНИКА

— В Ленкоранском уезде опыт культуры чая дал положительный результат. Осенняя посадка выполнена на 65 гектарах.

— Бывшее здание Совпрофа в Тифлисе переделывается в «образцовую» гостиницу, с 114 номерами, 6-ю лифтами и пр.

Во избежание перерыва в доставке журнала Редакция покорнейше просит своих подписчиков, еще не успевших возобновить подписки, озаботиться скорейшим внесением подписной платы.

Ред.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3-ой год
издания

«Кавказ»

3-ой год
издания

Орган Независимой Национальной Мысли

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

ВО ФРАНЦИИ:	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В ДРУГИХ СТРАНАХ:	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адресь Редакции: Mr Haïdar Bammate, 10, rue de Pléto Paris (15).

Le gérant: Blsnovaty.

Imp. de Navarre: 5, rue des Goleffins, Paris (XIIIe).